

**МИХАИЛ
АЛЕКСЕЕВ**

**ЛЕКСИКА
РУССКОЙ
РАЗВЕДКИ**

СЗГЛЯДАТИ,
ПРОСОКЪ,
РОСОЧЬНИКЪ,
СЗГЛЯДАТЕЛЬ,
ПРѢЛОГАТАЙ,
ДОБРОХОТЪ,
СЗОРАТАЙ,
КОНФИДЕНТЪ,
ВЕДАТИ,
АЗБУКА

Михаил Алексеев

**Лексика русской разведки.
История разведки в терминах**

«Алисторус»

2018

УДК 351/354
ББК 60

Алексеев М. Н.

Лексика русской разведки. История разведки в терминах /
М. Н. Алексеев — «Алисторус», 2018

ISBN 978-5-907028-74-6

С момента образования Киевской Руси разведка была делом государственным, тайным. В настоящей работе рассказывается о появлении и развитии в русском языке слов, присущих военной разведке, на каждом историческом этапе строительства Российского государства. Каждый вновь появляющийся разведывательный термин подтверждается соответствующей цитатой из источников. Одновременно дается контекст, поясняющий обстановку, в которой и в связи с чем появилось это слово. Наряду с этим в большинстве случаев рассказывается, насколько полученная разведывательная информация отражала действительность. В книге прослеживается появление и исчезновение одних разведывательных терминов наряду с закреплением других, всего больше 400 наименований. Автор – доктор исторических наук, профессор, написавший более 10 монографий по истории отечественной военной разведки.

УДК 351/354
ББК 60

ISBN 978-5-907028-74-6

© Алексеев М. Н., 2018
© Алисторус, 2018

Содержание

От автора	6
Предисловие	7
Глава 1	13
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Михаил Алексеев

Лексика русской разведки.

История разведки в терминах

Автор выражает благодарность

Юрию Васильевичу Сухареву, Владимиру Викторовичу Остапову, а также моим слушателям 1997 года выпуска, которые помогли и поддерживали меня при подготовке к изданию первой книжки «Лексика русской разведки», увидевшей свет в 1996 году. Особая благодарность доктору филологических наук Людмиле Юрьевне Астахиной, за ее советы, рекомендации и непосредственное участие в работе над новой книгой «Лексика русской разведки (история разведки в терминах)», которая не является переизданием предыдущей книги. Отдельная благодарность Юрию Владимировичу Григорьеву за финансовую помощь при издании книг, написанных автором.

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012-2018 годы)»

От автора

В настоящей книге предполагается проследить постепенное становление разведывательного дела от Киевской Руси, начиная от самых ранних фиксаций разнообразных данных в летописях и иных исторических источниках до современной государственной системы в этой области человеческой деятельности, а также формирование и становление ее терминологии. В военном деле разведка всегда была актуальной, но на государственном уровне она начала формироваться как отдельная сфера применения человеческого разума и интеллекта в связи с задачами обеспечения безопасности страны. Постепенное появление и утрата различных терминов разведки отражает стоявшие перед страной в разные периоды проблемы, зафиксированные в разведывательной лексике русского языка. Если в далекие времена достаточно было использовать *просоков*, *лазутчиков*, *высылать конные сторожи* для наблюдения за действиями надвигавшихся вражеских войск, то в последние времена, в начале XX века, которым заканчивается исследование, речь уже идет о конспирации, агентах и целых нелегальных организациях – резидентурах, действующих не только в стане противника, но и в его вышестоящих штабах, а также в столицах воюющих и нейтральных государств, для добывания необходимых разведывательных сведений. Соответственно меняются задачи и цели разведки, изменяется и терминология.

В текстах цитируемых документов в квадратных скобках приводятся краткие пояснения, переводятся древние слова, в угловых – восстанавливаются пропущенные буквы в словах, приводимых в источниках в сокращенном виде. Курсивом выделяются слова, относящиеся к разведывательной терминологии. Сохраняется также курсив, сделанный авторами привлекаемых документов. Круглые скобки остаются так, как они употребляются в источниках. Тексты XVIII–XIX вв. передаются в современной орфографии.

В примечаниях помимо ссылок на привлекаемые источники, даются возможно полные сведения об упоминаемых в книге лицах, тем или иным образом причастных к разведывательной деятельности в России, а также приводятся отдельные пояснения и дополнения к основному тексту.

Предисловие

Древнерусские источники не изобилуют примерами организации и ведения разведки. Однако выигранные сражения князьями Древней Руси свидетельствуют о том, что разведка была им хорошо известна и повсеместно применялась. Об этом свидетельствуют хотя бы результаты походов князей «Русской земли» на Константинополь.

С именами первых киевских князей Аскольда и Дира¹ Лаврентьевская летопись связывает первый поход войска на Царьград (город Константинополь, где живет царь, как древние славяне называли императоров), отнесенный к 866 г.² Русь (народ, составлявший ядро Древней Руси; русы, росы) на 200 ладьях,³ по 40 человек в каждой, подошли со стороны моря, высадились у самых стен византийской столицы и осадили город. К этому времени император Михаил III увел армию из Константинополя в Малую Азию для вторжения на территорию арабского халифата Аббасидов. На борьбу с норманнами⁴ в Эгейском и Средиземном морях был отвлечен и византийский флот. Столица оставалась беззащитной.

Столь удачный выбор момента для нападения был бы невозможен без хорошо организованной разведки в войске древнерусских князей. То была, согласно источникам, первая в истории Руси переброска большой организованной группы вооруженных людей из Среднего Поднепровья к берегам Босфора. Она представляла собой сложную транспортную операцию, осуществлявшуюся по южному отрезку пути «из варяг в греки».

Столица Византии ограждалась двойной высокой стеной со стороны суши. Со стороны пролива Босфор и бухты Золотой рог стена была невысокая. Нападение оказалось полной неожиданностью для властей и жителей Царьграда. Вести о готовившемся нападении, если и стали известны в городе, то слишком поздно. Русы отрядами рассеялись по окрестным селам и незащищенным предместьям столицы и, по свидетельству византийцев, принялись свирепствовать, разорять и истреблять все «мечом и огнем».

Сохранились тексты гомилий (проповедей) «На нашествие росов», с которыми патриарх Фотий обращался к жителям Константинополя во время осады и вскоре после снятия осады. «Горе мне, – говорил патриарх в первой гомилии, – что я сохранен был для этих бед; что мы сделались посмешищем у соседей наших, поруганием и посрамлением у окружающих нас; что коварный набег варваров не дал молве времени сообщить о нем, чтобы были обдуманы какие-нибудь меры безопасности, но сама явь безжала вместе с вестью, – и это в то время, как нападали оттуда, откуда [мы] отделены столькими землями и племенными владениями, судоходными реками и морями без пристаней. Горе мне, что вижу народ жестокий и дикий безнаказанно обступившим город и грабящим пригороды, все губящим, все уничтожающим: поля, жилища, стада, скот, жен, детей, стариков, юношей – все предающим мечу, не слушая никаких воплей, никого не щадя. Погибель всеобщая! Как саранча на ниву и как ржа на виноградник, точнее – как вихрь, или буря, или ураган, или не знаю что еще, обрушившись на нашу землю, он погубил целые поколения жителей»⁵.

Участь византийской столицы была предрешена. Укрывшиеся в городе жители впали в отчаяние и с ужасом ожидали итурма. Но в этот момент Аскольд и Дир со своим войском неожиданно спешно уходят из-под стен византийской столицы. Лаврентьевская летопись объясняет чудесное спасение Константинополя божественным вмешательством.

«Въ лето 6374 (866). Иде Аскольдъ и Диръ на Греки и прииде въ 14 [лѣто] Михаила ц^аря. Ц^арю же отидешю на Огаряны [на арабов], (и) доидешю ему Черные рѣки, вѣсть епархъ [патриарх Фотий] посла къ нему, яко Русь на Ц^арьгородъ идетъ, и вратися ц^арь. Си же внутрь суду вшедше, много убиство кр^{ес}т^{ья}н^омъ створиша, и въ двою соть корабль Ц^арьградъ оступиша. Ц^арь же едва въ градъ вниде, (и) съ патр^еархомъ съ

Фотьемъ къ сущей ц^еркви с^{вя}тѣй Б^огороди^{цѣ} Влахѣрнѣ (и) всю ночь мол^итву створиша, таж^е б^ож^{ес}тв^енную св^яты Б^огороди^ця ризу [с молитвами] изнесъше, в рѣку омочивше. Тишинѣ сущи (и) морю укротившюся, абѣ буря вѣста съ вѣтромъ, и волнамъ вельямъ вѣставшемъ засобѣ, и безбожныхъ Руси корабль смяте, (и) к берегу приверже, и избия, яко ма(ло) ихъ отъ так^овья бѣды избѣгнути, (и) въ свояси возвратишас^я»⁶.

[В год 6374 (866). Пошли Аскольд и Дир на греков и пришли к ним в четырнадцатый год царствования Михаила. Цесарь же был в это время в походе на агарян, дошел уже до Черной реки, когда епарх прислал ему вѣсть, что Русь идет на Царьград, и возвратился цесарь. Эти же вошли внутрь Суда, т. е. в гавань Царьграда, множество христиан убили и осадили Царьград двумястами кораблей. Цесарь же с трудом вошел в город и всю ночь молился с патриархом Фотием в церкви святой Богородицы Влахернской. И вынесли они с пением божественную ризу святой Богородицы, и погрузили в реку. Была в это время тишина и море было спокойно, но тут внезапно поднялась буря с ветром, и встали огромные волны, и разметало корабли безбожной руси, и прибило их к берегу, и переломало, так что немногим из них удалось спастись от этой беды и вернуться домой]⁷.

По современным данным Михаил III формально правил с 842 года, а фактически с 856 года.

Что побудило воинов Аскольда и Дира вернуться домой – буря ли, внезапно поднявшаяся на море и разметавшая их ладьи, как свидетельствуют древнерусская летопись, или выплата крупного выкупа (Михаил, спешно вернувшийся в Царьград, откупился от незваных гостей) – неизвестно. Скорее всего, последнее, так как десант русов был уже высажен на берег, и ничто не могло воспрепятствовать захвату столицы Византии.

В пользу последней версии выступает и очевидец событий – константинопольский патриарх. Во второй гомилии, предположительно датированной 4 августа 860 г. (к этому времени воины киевских князей покинули окрестности города), Фотий рассматривает как чудо тот факт, что русы не взяли Константинополь, однако в его проповеди отсутствует упоминание о буре, разметавшей корабли осаждавших столицу: «Ибо, как только облачение Девы обошло стены, варвары, отказавшись от осады, снялись с лагеря, и мы были искуплены от предстоящего плена и удостоились нежданного спасения... Неожданным оказалось нашествие врагов – нечаянным явилось и отступление их»⁸.

В то же время Фотий недвусмысленно подчеркивает, что отступление нападающих от Константинополя произошло по инициативе последних: «О, как нахлынуло тогда все это, и город оказался – еще немного, и я мог бы сказать – завоеван! Ибо тогда легко было стать пленником, но нелегко защитить жителей; было ясно, что во власти противника – претерпеть или не претерпеть; тогда спасение города висело на кончиках пальцев врагов [т. е. зависело от их великодушия], и их благоволением измерялось его состояние»⁹.

Осадив город, нападавшие не спешили со штурмом стен, но надеялись получить выгодный выкуп. В этом и проявлялось их «великодушие», и поэтому Фотий говорит о том, что в руках осаждавших находилась судьба города. Несомненно, какие-то переговоры велись, но судить об их содержании на основании свидетельств патриарха не представляется возможным. Речь, скорее всего, должна была идти о крупной контрибуции, как это случилось спустя полвека при походе на Царьград князя Олега.

Еще об одной выигранной военной кампании, благодаря полученной информации (на добывание её и нацелена разведка), которая не должна была стать победой русов, сообщается в древнерусских источниках под 988 годом. Речь идет о сведениях, переданных из враждебного стана, которые позволили великому князю киевскому Владимиру взять основанный древними греками византийский город Херсон [древнерусское название – Корсунь; древнегреческое – Херсонес Таврический], располагавшийся близ нынешнего Севастополя.

Русы спустились вниз по Днепру и, вероятно, в самом конце лета или в начале осени 988 года появились вблизи Херсона-Корсуни. Войско Владимира насчитывало не более пяти-шести тысяч на 150–200 ладьях. Херсониты, судя по всему, заблаговременно узнали о приближении русского флота, ибо их сторожевые корабли и обычные рыболовные лодки постоянно курсировали вблизи устья Днепра, и успели подготовиться к осаде – «затворились в граде», по выражению летописца.

Херсон был отлично укреплен и считался почти неприступным. Город находился на полуострове, соединенном с сушей лишь узким перешейком на западе. С севера его омывали волны Черного моря, с востока глубоко в линию берега врезался залив – нынешняя Карантинная бухта Севастополя. В древности к ней тянулась глубокая и узкая балка, защищавшая крепость с юга. Западная часть города ограничивалась нынешней Стрелецкой бухтой – не очень глубоким, но широким заливом. Каменные стены города достигали пятнадцати метров в высоту и трех (а в некоторых местах от шести до десяти) метров в толщину.

Нападавшим предстояло не только захватить хорошо укрепленный город, но и (не исключено!) подавить сопротивление ряда других крепостей Таврики (Тавриды) и установить контроль над прилегающей территорией. В состав войск киевского князя, вероятно, входила его личная дружина, полк варягов, составлявших, как обычно, отдельную боевую единицу, и ополчение, в которое входили зависимые от Киева племена.

Войско князя Владимира не располагало ни стенобитными машинами, ни камнемётами, ни огнемётами, способными забрасывать в осаждённый город тяжёлые камни и емкости с зажигательной смесью. Не сумев выманить противника из крепости и взять город прямым лобовым ударом, русы были вынуждены приступить к осаде, надеясь на время и, как казалось, неизбежный голод в городе. Но осада затянулась и легла тяжелым бременем не только на осажденных, но и на осаждавших. По сведениям средневековых древнерусских источников (разных редакций Жития князя Владимира), русы простояли у города от шести до девяти месяцев, то есть осень 988 года, зиму и часть весны 989 года¹⁰.

Осаждавшие едва ли могли организовать полную блокаду города с моря и с суши. Владимир приказал делать, так называемую присыпь, то есть присыпать землю к городской стене для того, чтобы воины могли взобраться на стену и ворваться в город. Этот приём известен в военной истории, но в практике русских встречался редко. По свидетельству летописи, горожане подкопали стену, а скорее всего, сделали пробоину в нижней части городской стены и через неё вносили насыпаемую русами землю в город¹¹.

Надежды на то, что Херсон-Корсунь будет взят измором, могли бы оправдаться. Но желая ускорить события, Владимир решил сделать ставку на раскол во враждебном лагере, на поиск союзника в самом осажденном городе. И его попытка увенчалась успехом.

Сохранились две версии Корсунской осады, отразившиеся в «Повести временных лет» и в «Житии Владимира особого состава». Согласно летописи, содействие русским оказал корсунянин Анастас – личность реальная, впоследствии один из ближайших соратников князя Владимира.

«Повесть временных лет» под 988 годом сообщает «В лѣто 6496 (988) иде Володимѣрь с вои на Корсунь, град грѣчкый, и затворишася корсуняни въ градѣ. И ста Володимѣрь об онъ полъ града в лимени, въдале града стрѣлище едино. И боряхуся крѣпко горожанѣ с ними. Володимѣрь обьстоя град. И изнемогаху людие въ градѣ, и рече Володимѣрь к гражданамъ: “Аще ся не вдасте, имамъ стояти за три лѣта”. Они же не послушаша того. Володимѣрь же изряди воя своя и повелѣ приспу сыпати к граду. Сим же спуще имъ, корсуняне, подкопавше стѣну градскую, крадяху сыплемую персть и ношаху к собѣ в град, сыплюще посредѣ града. Вои же присыпаху боле, и Володимѣрь стояше. И се мужъ именемъ Анастасъ корсунянинъ стрѣли, написавъ на стрѣлѣ: “Кладези, яже суть за тобою от вѣстока, ис того вода идетъ по трубѣ, копавше, преимете воду”. Володимѣрь же, се слыша, възрѣвъ на небо, и рече: “Аще ся

сбудеть, се имамъ креститися”. И ту абѣ повелѣ копати преки трубамъ, и переяша воду. И людѣ изнемогаху жажею водною и предашася. И вниде Володимѣрь въ град и дружина его»¹².

[В 988 году пошел Владимир с войском на Корсунь, город греческий, и затворились корсуняне в городе. И стал Владимир на другом берегу лимана, на расстоянии полета стрелы от города, и крепко сопротивлялись горожане. Владимир же осадил город. Люди в городе стали изнемогать, и сказал Владимир горожанам: “Если не сдадитесь, то простою и три года”. Они же не послушали его. Владимир же, изготовив войско свое, приказал насыпать землю горой у городских стен. И когда насыпали они, корсунцы, подкопав стену городскую, крали насыпанную землю, носили ее себе в город и сыпали посреди города. Воины же присыпали еще больше, и Владимир стоял. И вот некий муж именем Анастас, корсунянин, пустил стрелу, написав на ней: “Перекопай и перейми воду, идет она по трубам из колодцев, которые за тобою с востока”. Владимир же, услышав об этом, посмотрел на небо и сказал: “Если сбудется это, – сам крещусь!” И тотчас же повелел копать поперек трубам, и перекрыли воду. Люди изнемогли от жажды и сдались. Владимир вошел в город с дружиною своею].

Когда и почему Анастас перешел на сторону Владимира, сказать трудно. Сам ли он почувствовал неизбежность падения города и поспешил переметнуться к неприятелю? Или этому, что вероятнее всего, предшествовала кропотливая работа лазутчиков Владимира, долгий обмен посланиями через крепостную стену?

Анастас Корсунянин, скорее всего, являвшийся греком и имевший, священнический сан, после захвата Херсона примкнул к победителям, ему же князь поручил построенную и освященную в 989–996 гг. церковь Богородицы и десятину, собираемую для нее. Спустя тридцать лет, в 1018 году, во время оккупации Киева польскими войсками, Анастас «лестью», «бѣ бо ся юму ввѣрилъ лестью», войдет в доверие к князю Болеславу Храброму и, приставленный последним ко всему награбленному в Киеве добру, покинет Русь, перебравшись в Польшу¹³.

Иную версию происходивших под Корсунью событий в 988–989 гг. сообщает «Житие Владимира особого состава». Продовольствие для горожан и воинов гарнизона продолжало поступать уже во время осады Херсона сначала на кораблях, отправлявшихся, скорее всего, из поселений южного берега Крыма, а также Сугдеи и Боспора; конечным этапом доставки провизии был путь по суше – «путь земляной».

По сведениям этого источника, после полугодовой осады города варяг Жберн (Ижберн) послал стрелу в полк своих соотечественников, попросив донести ее князю Владимиру: «Из города весть пусти вариженин именем Жбернъ, и написавъ на стреле и пустив в полкъ варягом и рече: донесите стрелу сию кн<я>зю Владимиру, и написано на стреле: г<о>с<у>д<а>рю кн<я>зю Владимиру, приятель твои Ижбернъ писал к тебе, аще стоиши ты с силою под городом годъ или два или 3, не возьмешь Корсуня, корабленицы ж приходят путем земляным с питием и с кормом во град»¹⁴. После этой вести князь Владимир повелел перекопать «земляной путь» и через три месяца захватил город.

Итак, город сдался на милость победителя, не выговаривая для себя каких-либо условий. О подробностях первых дней пребывания Владимира в завоеванном городе рассказывается в «Житии Владимира особого состава»: «А князя Корсуньсково и со кн<я>гинею поимал, а дщер<ь> ихъ к себе взял въ шатер... И по трех днех повеле кн<я>зя и кн<я>гиню убить, а дщер<ь> их за боарина Ижберна дал со многим именем, а в Корсуне наместникомъ постави его»¹⁵.

Ни имени Анастаса, ни каких-либо сведений о разрушении городского водопровода в данном памятнике не имеется. Маловероятно, чтобы к князю русов попали два послания на стреле с одним и тем же советом, касающимся различных топографических объектов. Историчность Анастаса Десятинного не вызывает сомнений у большинства исследователей; в то же время считаются достоверными и сведения об Ижберне в Житии князя Владимира.

Предпринимались попытки согласовать обе версии. Жберн якобы первым вступил в переговоры с Владимиром. Однако, несмотря на прекращение доступа продовольствия, город продолжал держаться еще три месяца, и лишь предательство Анастаса привело к развязке. По-другому представляли дело так, будто Анастас и Жберн действовали заодно друг с другом: Анастас был вдохновителем замысла, а воин-варяг, которому сподручнее и естественнее было подняться на крепостную стену с луком и стрелами, – лишь исполнителем¹⁶.

Были предприняты и другие попытки найти объяснение противоречиям источников: херсонский союзник князя Владимира мог носить двойное имя, языческое и христианское – Ижберн / Ингибьерн и Анастас. Было высказано предположение, что Анастас Корсунянин (он же Ижберн) принадлежал к скандинавам, проживавшим в Херсоне. Своим соплеменникам он был известен под скандинавским именем; так же он фигурировал и в среде варягов Владимира после перехода на сторону князя русов¹⁷. Сохранившаяся письменная традиция совпадает в одном, но ключевом моменте: Херсон был взят не посредством штурма, попытки которого закончились неудачей, а измором, вследствие продолжительной осады.

Впрочем, очередность «перекопання» и «пути земляного» и водопровода выглядит второстепенной, не столь важно и имя действующего лица – будь то варяг Ижберн (Жберн) или грек Анастас.

Нет сомнений, что летопись и особая редакция Жития князя Владимира, имея в виду один и тот же реальный факт – падение Херсона–Корсуни в результате сотрудничества с противником (отнюдь не разовое) лица (или лиц), оказавшегося (оказавшихся) в осажденном городе, – отражают две различные версии этого события, два разных рассказа о ходе и обстоятельствах корсунской осады.

Таких людей, как Анастас или Ижберн (Жберн), впоследствии назовут сначала *доброхотами*, позднее – *доброжелателями*, то есть людьми, которые добровольно идут на сотрудничество с противником, имея на то мотивацию, которая пересиливает страх быть разоблаченными. Мотивация – это краеугольный камень агентурной разведки. Без нее не может быть и речи об агентурной разведке как таковой.

С момента образования Киевской Руси разведка была делом государственным и тайным. По своей сути разведка являлась деятельностью военной и военно-политической, так как занималась вопросами, относящимися к войне и миру, имела непосредственное отношение к сохранению и выживанию государства во враждебном окружении.

Исторически разведка вероятного и действующего противника организовывалась и велась на двух уровнях: высшем, государственном, и на уровне непосредственного обеспечения боевых действий войск. Основные различия между двумя уровнями организации разведки состояли в глубине ее ведения, масштабе и характере решаемых задач, в привлекаемых силах и средствах.

Разведка на государственном уровне – внешняя, зарубежная, стратегическая – должна была вестись непрерывно, что и происходило с момента появления центральных органов власти, которые в том числе занимались сбором разведывательной информации, и с возникновением постоянных российских представительств в других странах. Разведка на государственном уровне осуществлялась по инициативе и при непосредственном участии государя (великого князя, царя). Привлечение иностранцев к негласному (тайному) сотрудничеству на постоянной основе (агентурная разведка) при организации и ведении разведки вплоть до XVII века носило непостоянный (разовый) характер.

Разведка в войсках (войсковая и агентурная разведка) организовывалась и велась непосредственно перед началом и в ходе боевых действий военачальниками различных степеней – великим князем, князьями, назначаемыми ими воеводами, командующими войсками, армией, командирами воинских частей, отрядов. Объектами разведывательной деятельности являлись противоборствующие силы, воинские соединения противника, непосредственно участву-

ющие или способные принять участие в бою. Привлечение иностранцев к негласному сотрудничеству на постоянной основе в интересах ведущих боевые действия войск – агентурная разведка – отмечается только с начала XVIII века.

Как любой вид человеческой деятельности разведка, естественно, требовала введения специальных терминов, раскрывающих ее сущность. О появлении и функционировании в русском языке слов, относящихся к организации и ведению разведки на разных исторических этапах становления Российского государства, рассказывается в настоящей книге.

Глава 1

Разведывательная лексика от Киевской Руси до завершения формирования Русского царства (IX – середина XVI века)

С середины IX века и до середины XVI века, то есть с момента возникновения государственности на Руси до завершения формирования русского централизованного государства (от Рюрика до Ивана IV), существовали княжества – суверенные и вассальные феодальные государства и государственные образования во главе с князьями. Крупные княжества дробились на уделы. Спорные вопросы между феодальными властителями решались в противоборстве, в основном, в военных действиях. Не было еще создано центральных органов исполнительной власти и тем более органов, которые занимались бы организацией сбора разведывательной информации. Татаро-монгольское иго (золотоордынское иго) в XIII–XV веках исключило какую-либо надежду на появление таких центральных органов власти.

Вся внешнеполитическая активность ограничивалась отношениями между княжествами, поэтому состояние и функции внешней разведки на государственном уровне в рассматриваемый период были крайне ограниченными. В Киевской Руси вопросы внешней политики и внутреннего управления решал князь при участии старшей дружины. Старший дружинник известен под именем «боярин (боляринъ)» – ‘старший дружинник, советник князя’¹⁸. Общим названием старших дружинников первоначально было «огнищане»,¹⁹ впоследствии за ними утвердилось название «княжих мужей», и наконец, просто «бояр». В «Повести временных лет» под 996 годом сказано, как князь Владимир советуется с дружиной: «Бъ бо любяше Володимиръ дружину, и с ними дума о строении земли, и о уставъ земли, и о ратехъ»²⁰. [Владимир любил дружину и совещался с нею об устройстве страны, и о войне, и о законах страны].

В важных делах, выходивших из круга обычных, Владимир созывает, кроме старших дружинников (бояр), еще и «старцев градских» – знатных представителей городского населения. Так, когда речь шла о выборе веры, он считал необходимым выслушать «мужей добрых», которые ходили в «Болгары», в «Немцы» и в «Греки»: «И созва князь бояры своя и старца, рече Володимиръ: “Се придоша послании нами мужи, да слышимъ от нихъ бывшее”, и рече имъ: “Скажите предъ дружиною”... Отвѣщавши же бояръ и рѣша: “Аще лихъ бы законъ Гръцькыи, то не бы баба твоя Олѣга прияла крещения, яже бѣ мудръиши всихъ чловѣкъ”. Отвѣщав же Володимиръ, рече: “То кде крещеніе приимемъ?” Они же рѣша: “Кдѣ ти любо”»²¹. [Сказали бояре: «Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы бабка твоя Ольга крещения, а была она мудрейшей из всех людей». И спросил Владимир: «Где примем крещение?» Они же сказали: «Где тебе любо»].

С принятием христианства в думе, то есть в ближнем кругу князя, появляются представители высшего духовенства – епископы. Учреждение, которое обозначается термином «боярская дума» в настоящее время, не носило этого названия в древности, и вообще не имело определенного названия. Это были совещания, советы (заседания), на которых глава государства «думал» со своими приближенными о делах государства. Думати – ‘совещаться, советовать, совместно обсуждать что-либо’²². Это государственное образование стояло во главе древнерусской администрации в X–XVII вв., хотя очень редко выдвигалось на первый план при решении государственных вопросов.

После кончины Владимира «старцы градские» исчезают из думы, духовенство также не играет в ней заметной роли, и она становится учреждением однословным, собранием бояр – членов старшей дружины.

Трудно сказать, кто из старшей дружины обычно решал дела в думе, но можно предполагать, что сюда входили важнейшие из должностных лиц: дворский, печатник, стольник, мечник, казначей и др.; в юго-западной Руси в думе заседали и представители областной администрации – тысяцкие, воеводы. Во всяком случае, число членов боярской думы было невелико. Она ведала делами войны и мира, определяла отношения с другими князьями, вершила суд и расправу, заключала договоры с иноземцами, решала вопросы о преемстве князей и т. п.

Начиная с XV века, возле великого князя, а в дальнейшем царя, начала действовать так называемая Тайная или Комнатная дума, которую именовали еще и Ближняя дума. Она никогда не имела постоянного состава, а созывалась по мере надобности. При Василии III уже многие бояре, особенно из старинных родов, были недовольны тем, что государь «рушит старину», приглашая для тайных совещаний к себе «в комнату» незнатных доверенных лиц. Часто эти лица не имели думного чина и, по мнению бояр, не имели права советовать государю. При Иване IV эта Ближняя дума получила название Избранная рада и была своего рода правительственным кабинетом при царе.

Фактическим руководителем и организатором разведки на государственном уровне был сам князь, нередко принимавший решения при участии лишь нескольких близких к нему людей, во многом случайных доверенных советчиков – непрофессионалов. Для сбора разведывательных сведений использовалась информация, поступающая от русских подданных, в основном, от послов и посланников, направляемых во главе посольств в зарубежные страны с известиями о событиях, происшедших в стране (о смерти правившего великого князя, о вступлении на престол нового), для заключения военных и брачных союзов и т. д. С этой же целью (чаще всего с ограниченной задачей – для передачи определенного сообщения) за границу направлялись гонцы. Наряду с вышеперечисленной категорией лиц источниками информации были торговые люди, а также жители приграничных областей. Привлекались и иностранцы, как прибывающие на территорию Русского государства (купцы, члены зарубежных посольств, перебежчики), так и находившиеся за его пределами: представители православного духовенства, лица различного социального и общественного положения.

Разведка в войске организационно не выделялась. И здесь ее организовывал и направлял князь или назначенный им воевода. Они ведали организацией добывания сведений о противнике (в том числе способствовали захвату пленных и разведчиков противника); обеспечивали наблюдение за неприятелем для выявления его намерений; принимали меры по воспрепятствованию противнику в сборе сведений о своем войске и его расположении, а также отвечали за организацию походного охранения войска и охрану его на стоянках с целью предупреждения внезапного нападения.

Войсковая разведка изначально осуществлялась путем направления в разведку отдельных лиц и небольших отрядов. Разведывательные сведения добывались путем личного наблюдения, допроса взятых в плен воинов противника и опроса бежавших из плена.

Лексика, относящаяся к разведывательной деятельности русских людей, встречается в самых ранних памятниках письменности Древней Руси как оригинальных, так и переводных. Из оригинальных, созданных на Руси, следует назвать летописи, а из переводных – Библию, Палею толковую и историческую, Хронику Георгия Амартола, «Историю Иудейской войны» Иосифа Флавия.

Русские летописи – основной письменный источник по истории России допетровского времени. Впервые летописи начали создавать в Киеве в первой половине XI в. Летописи велись в виде записей о различных событиях по годам, каждая из них начиналась словами «Въ лѣто такое-то» и давалась полная дата «от сотворения мира», обозначенная славянскими бук-

вами, имевшими числовое значение. На протяжении многих столетий летописи существовали непрерывно, периодически оформляясь в отдельные летописные своды, менялись только центры их создания. Единственным центром русского летописания, существовавшим в течение всей его истории, был Великий Новгород. В создании летописей принимали участие такие авторы, как монах Нестор, и, по мнению некоторых учёных, митрополит Иларион, заложившие основы русской истории, литературы и философии. На начальном этапе был создан самый ранний летописный свод: «Се повести временных лет, откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве начал першее княжити и откуда Русская земля стала есть», получивший название «Повесть временных лет». Летописи, дошедшие до нашего времени, представлены рукописными списками, созданными не ранее XIII–XIV вв.

Любое летописное известие могло быть как достоверным отражением действительности, так и индивидуальным представлением об этой действительности, плодом фантазии или ошибки того или иного летописца, а также и преднамеренным искажением событий. В летописных памятниках отразились различные идеологические установки заказчиков, их политические взгляды. Объем и запись событий большей частью зависели от социального положения летописца, его кругозора, мировоззрения и образования. Роль представителей церкви в этом многовековом процессе бесспорна: монахи и священники, игумены и пономари, часто не указывая своих имен, создавали летописи, отражая события земной жизни русских людей²³.

Необходимо принять во внимание, что любая русская летопись – это плод работы не одного автора, а часто механическое соединение разных текстов, своего рода компиляция²⁴. Каждая летопись имеет свое индивидуальное название, данное ей на основании случайных признаков: по имени владельца или переписчика летописи, по ее местонахождению и т. д. Иногда названия могут просто вводить в заблуждение. Так, Никоновская летопись названа по имени патриарха Никона, у которого был один из ее списков, но сам Никон (1605–1681) никакого отношения к составлению этой летописи не имел: она была составлена в двадцатых годах XVI века.

Летописец, составляя свои погодные записи, иногда привлекал для работы нелетописные источники – хроники или паремейники, откуда заимствовал разнообразный материал для характеристики отдельных лиц и событий, используя дословные цитаты. Деятельность летописных центров была тесно связана с политической и экономической жизнью России, поэтому периодизация истории русского летописания в целом совпадает с периодизацией истории России. Так, первый этап истории русского летописания, завершившийся созданием раннего летописного свода «Повести временных лет», соответствует времени формирования Древнерусского государства с центром в Киеве и его расцвету, которого оно достигло к началу XII века. Уже в следующем столетии в связи с татаро-монгольским нашествием прекращают свою деятельность летописные центры в Киеве, Переяславле Южном, Чернигове. В XIV–XV вв. летописные центры возрождаются в главных городах тех княжеств, которые стремятся занять ведущее место в политической жизни страны. С конца XV в. положение Москвы как центра нового государства определило её главное место в истории русского летописания. В Москве с этого времени создаются все значительные летописные произведения²⁵.

При всей кажущейся понятности текстов древнерусских летописей иногда смысл слов или словосочетаний ускользает от исследователя, так как на протяжении веков значение их изменялось, а некоторые слова выходили из употребления. Так, выражение «написал летописец» воспринимается сегодня однозначно как творческая деятельность автора, создавшего оригинальное произведение, а в далекие времена словом летописец называли и само произведение и переписчика²⁶.

Лексическая группа со значением «разведка, разведывательная деятельность» встречается в летописях sporadически, когда затрагиваются отдельные вопросы военного искусства, когда повествуется о ходе боевых действий и неизбежно возникает необходимость получения сведений о противнике. Информация о поражениях, постигавших древнерусских князей, излагается не всегда, а в ряде случаев указывается на ее отсутствие.

Некоторые слова, характеризующие понятие «разведка», при описании одних и тех же событий встречаются во многих летописях, тогда как другие присутствуют только в одной, составленной в определённом месте. Далеко не все моменты разведывательной деятельности князей отражены в каждой летописи, отдельные эпизоды отечественной истории иногда просто опускались. Отсюда и отсутствие слов, составляющих эту лексическую группу. В настоящей работе к исследованию привлекаются прежде всего самые ранние дошедшие до нас летописи – Новгородская харатейная (список XIII в.), Лаврентьевская (пергаменная рукопись по списку 1377 г.) и Ипатьевская, датируемая концом 1420-х годов – около 1425 г. Московская и Никоновская летописи датируются XVI веком.

Удельный вес древней славяно-русской переводной письменности²⁷ в общем количестве древних письменных памятников XI–XIV вв., дошедших до наших дней, чрезвычайно высок. Так, из 1493 рукописей, названных в «Предварительном списке рукописей XI–XIV вв., хранящихся в СССР»²⁸, «...меньше 1 % составляют памятники оригинального русского происхождения и содержания; 90, если не 99 % всего, чем мы располагаем в области древней славяно-русской письменности, это памятники, переведённые с различных иных языков, или переделки таких переводов самими славянскими книжниками. Значит ли это, что оригинальной древнерусской литературы не существовало? Нет, конечно! Но целый ряд общественных условий не способствовал сохранности оригинальной литературы и, наоборот, мог содействовать более надёжному сбережению памятников письменности переводной, поскольку эти последние в значительном большинстве принадлежали к литературе культовой, или конфессиональной, чем в глазах носителей средневекового мировоззрения определялось и преимущественное значение рядом с произведениями светскими по содержанию и оригинальными по происхождению»²⁹. Некоторые переводные произведения относятся к ранним памятникам, дошедшим до нашего времени с XI–XII вв. Подавляющее большинство древнеславянских переводов произведено было с греческого языка и с латыни, реже – непосредственно с древнееврейского. Их можно разделить на переводы канонического, традиционного содержания, характерные для всей средневековой церковно-религиозной письменности, и на переводные произведения, так называемого «светского» содержания и стиля, не имеющие прямого отношения к религии.

Изучение рукописной традиции славянских текстов ветхозаветных частей Библии учёными XIX века показало, что вплоть до конца XV века на славянском (древнерусском) языке не существовало полного свода ветхозаветных библейских книг³⁰. Собираание такого свода связано с деятельностью новгородского архиепископа Геннадия. По его почину и под его руководством были собраны и обработаны все ранее имевшиеся на Руси славянские тексты библейских произведений. Этот свод получил название Библии Геннадия 1499 г. До этого времени имелись лишь части отдельных ветхозаветных книг, различавшиеся по своему целевому назначению и по текстологическим особенностям³¹. Из них были известны так называемые паремейники (или паремийники) – сборники отрывков из Ветхого Завета, которые читались во время совершения литургии или вечерни в православных церквях и получили название «паремий», т. е. притчей, по наименованию одной из самых популярных ветхозаветных книг – Притчи Соломоновы. В греческой церковной практике аналогичные сборники называются Профитологии, т. е. Книги пророков³².

Вторую группу текстов древнеславянских переводов ветхозаветных книг составляют списки так называемых толковых редакций, в которых тексты ветхозаветных произведений, преимущественно пророческих, сопровождаются толкованиями, составленными ранне-христианскими и византийскими богословами³³.

Еще одну группу древнеславянских переводов ветхозаветных книг составляют списки, которые иногда называют четыми, или которые именуются также хрониками. Эти переводы не предназначались ни для чтения в церкви во время богослужений, ни для богословского истолкования. Это были по преимуществу тексты ветхозаветных произведений, в которых содержались эпические или хроникальные повествования, представлявшие интерес для читателей своей познавательной стороной, так как являлись канвой для изложения событий мировой истории. В названную группу входили Пятикнижие Моисея, книга Иисуса Навина, книга Судей, книга Руфь, книги Самуила, именуемые в византийско-славянской традиции Первой и Второй книгой Царств, книги Царей, соответственно получившие у славян название Третьей и Четвертой книги Царств; к этому перечню присоединялись также книга Есфирь и книга Даниила³⁴.

С хронографическими списками библейских книг по своему практическому назначению сходны во многих своих чертах и списки так называемой Палеи, в которой изложение ветхозаветных рассказов перемежается с их символическими истолкованиями и с отрывками апокрифических легенд³⁵. Палеи (от греческого *παλαιά* 'древняя') принято подразделять на два типа: палея толковая и палея историческая, иначе – хронографическая³⁶.

Переводчики, работая над библейскими текстами, нередко переводили иноязычный текст слово в слово, не заботясь о точности передачи смысла оригинала, и таким образом искажая его. В других случаях переводчики стремились осовременить тексты, используя слова, доступные для понимания окружающих их людей. Происходило развитие и лексическое пополнение отечественного языка, в том числе и понятийного поля «разведка». Одновременно авторы переводов стремились избежать большой смысловой нагрузки, падающей на одно слово, которое становилось многозначным, то есть «слишком много выражало». Тогда происходило переосмысливание слов.

Отдельные слова, относящиеся к разведке, разведывательной деятельности, в древнеславянских переводах существуют как бы изолированно от разведывательной лексики в летописных сводах. И наоборот, «пересечение», то есть наличие одноименной разведывательной лексики как в древнерусских летописях, так и в древнеславянских переводах, – скорее исключение, чем правило.

В древнерусских источниках встречаются слова для обозначения процесса разведки, представленные глаголами *соглядати*, *разглядати* (*розглядати*), *ведати*, *пытати*, *лазучити*, *созирати* (*съзирати*, *зирати*), а также существительными в значении 'разведка' – *посок*, *рассочство* (*росъсочство*), *пытанье*, *разгляда* (*розгляда*), *разглядание* (*розглядание*).

Для обозначения лиц, занимающихся разведывательной деятельностью, использовались существительные *просок*, *рассок* (*расок*, *росок*), *рассочник* (*росочник*), *соглядатай*, *съглядатель*, *соглядникъ* (*съглядникъ*), *сзоратай*, *прелагатай*, *лазука*, *лазучик*.

Группа лиц, посылаемых в разведку, называлась *сторожа*, которая могла состоять из небольшого количества воинов. Люди же, от которых можно было получать сведения разведывательного характера, именовались *таль*, *язык*, *кощей*, *колодник*, *полоняник*, *гость*.

Достоверность сведений характеризовалась словосочетанием *правые вести* и наречиями *неложно*, *дополна*. Добывались же разведывательные сведения обычно скрытно, *втай*, *тайно*, *под рукой*. А доставляться должны были как можно быстрее, *не мотчав*, *не мотчая*, то есть незамедлительно, без промедления [*мотчати* – 'медлить, мешкать'].

Глаголы *соглядати* (*сѣглядати*), *сглядати* (*сѣглядати*) и *розглядати*, используемые для обозначения процесса сбора разведывательной информации в древнерусских памятниках XII–XV вв., происходили от церковнославянского *глядати*, одним из значений которого было ‘высматривать, искать, разыскивать’. Не только разведка, но и любые действия, связанные с поиском чего-либо или кого-либо, могли обозначать этим глаголом³⁷.

Глагол *соглядати* (*сѣглядати*) многозначен. Это и смотреть (посмотреть), осматривать (осмотреть), знакомиться (ознакомиться); и проверить, обследовать; и узнать, понять, убедиться в чем-л.; и разведать, высмотреть³⁸. Как бы то ни было, любое из значений глагола *соглядати* (*сѣглядати*) в своей основе отражает понятие ‘выведать, высмотреть, разведать’.

Старое язычество с его многочисленными богами, являвшееся по своей сути религией родоплеменного общества, не способно было освятить новые процессы, идущие в Киевском государстве, и нуждалось в замене принципиально новым – внеплеменным и внеэтническим – религиозным учением. Киевская Русь стояла перед необходимостью выбора новой веры – но оставался вопрос: какой именно?

Крещение Руси явилось не только личным подвигом князя Владимира, но и выражением его государственной воли, его стремления к превращению Руси в единое и сильное государство. Выбор его был сделан не сразу и совсем не случайно, но после долгого и трудного размышления, с одобрения бояр и «старцев», то есть «всей земли». Князь и его окружение должны были учитывать историю взаимоотношений Руси с различными религиозными системами, исходя из той конкретно-исторической ситуации, которая сложилась на Руси и вокруг нее к тому времени.

«Повесть временных лет» начинается сказание о крещении Владимира с рассказа о приходе к нему послов от соседних народов: волжских болгар-мусульман, немцев, хазарских евреев и, наконец, греков. Выслушав послов, каждый из которых хвалил свой закон, а чужой хулил, Владимир отправляет собственные посольства для испытания разных вер и только после этого вместе со «старцами и боярами» принимает окончательное решение креститься³⁹.

Так, в 987 году, когда встал вопрос о выборе вероисповедания на Руси, князь Владимир, как свидетельствует Лаврентьевская летопись (по списку 1377 г.), созвал бояр своих и старцев городских и сказал им: «Вот приходили ко мне болгары, говоря: “Прими закон наш”. Затем приходили немцы и хвалили закон свой. За ними пришли евреи. После же всех пришли греки, браня все законы, а свой восхваляя... Избрали мужей славных и умных, числом десять, и сказали им: “Идѣте первое в Болгары и испытайте вѣру их”. Они же отправились и, придя к ним, видели их скверные дела, поклонение в мечети, и вернулись в землю свою»⁴⁰.

«И реч^е имъ Володимѣръ: идѣте на ки в Нѣмци, сѣгладат^е [и соглядаете – дает Радзивилловский список XV в. и рукопись б. Московской Духовной Академии] такоже, и оттудѣ идѣте в Греки. Они же придоша в Немци и сѣгладавше ц^рк^овную службу»⁴¹.

[И сказал им Владимир: «Идите еще к немцам, высмотрите и у них все, а оттуда идите в Греческую землю». Они же придя к немцам, высмотрели церковную службу]. В данном случае речь идет об организации разведки в государственном масштабе.

Этим же глаголом *соглядати* обозначено предложение «черных клобуков» (тюркских вассалов киевских князей, расселённых в Поросье, начиная с конца XI в.) о разведке войск противника. В Московском летописном своде конца XVI в. под 1160 годом сообщается о «черных клобуках» (черных папах), предлагавших Мстиславу Изяславичу, князю города Владимира-на-Волыни, собрать сведения о противнике, с которым предстояло биться: «И начаша просити Чернии Клобуци у Мѣстислава наперед: “Да сѣгладаетъ, княже, велика ли рать”. Мѣстиславъ же отпустивъ»⁴².

В переводах Библии на русский язык есть неоднократные подтверждения, что разведка была изначально присуща деятельности человека, в природе которого заложена естественная потребность перед тем, как приступать к какому-либо ответственному делу, выяснить, что его может ожидать. Отсюда необходимость сначала высмотреть, узнать, а потом уже, проанализировав собранные сведения, приступать к конкретным действиям, особенно когда речь шла о выживании племени, народа, подвергавшемуся постоянному притеснению и гонениям. И здесь уж было не до этических соображений, не до мыслей о том, что станет с тем народом, на землю которого, предварительно проведя разведку, собиралось вторгнуться пришлое племя, с народом, который собирались, если не уничтожить, то изгнать из его земли. Это была обычная практика, что на землях Палестины, что в Древней Руси – одним народам выживать за счет других.

О таких событиях говорится в Палее толковой XIII в. (по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г.), где излагаются отдельные фрагменты из главы 13-й четвертой книги Моисеевой Ветхого Завета «Числа». «Сыны израилевы» после сорокалетнего плена и исхода из Египта под предводительством пророка Моисея остановились в пустыне Фаран, в центре Синайского полуострова. Впереди лежала неизвестная им земля Ханаанская, где странников никто не ждал.

Необходимо было узнать, что ожидает «сынов израилевых»: «Реч^e Г^oс^oд^oу к^o Моисееви: “Пусти от себе мужа, да сглядаеть землю Хананъиску”. Того рад^и с^oг^oд^oателя повеле им^г послати Б^oг^oу, да преже оув^oд^oять бл^aг^oплodie з^eмли тоя, оу^oс^oр^oд^oнь поидуть, а не л^oности ради оуклоняться»⁴³.

[Господь сказал Моисею: «Пошли от себя человека, пусть высмотрит Ханаанскую землю». Бог приказал послать разведчика для того, чтобы узнать о плодородии той земли, и пошли с усердием, а не уклонились из-за лени]. Здесь наряду с глаголом соглядати есть и именное образование соглядатель для обозначения лица, которого посылают в разведку.

Достаточно широкая семантика глагола соглядати (с^oг^oд^oать) находит закрепление в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля (первое издание было в 1862 г.). Соглядатель, по Далю, значит ‘тайно высматривать, скрытно обзирать или разузнавать, лазутничать, разведывать под рукой, подзирать, нюхать, шпионить’⁴⁴. И здесь же производные соглядатель, соглядатель, соглядник – ‘тайный разведчик, проводчик, скрытый дозорщик, лазутчик или подсылный, подосланный наблюдатель, подлаз, подзорщик, ищейка, шпион’.

В более поздних изданиях Библии (начиная с 1876 г.) происходит изменение канонического текста и глагол с^oг^oд^oати ‘разведывать’ заменяется глаголами высмотреть, осмотреть близкими к нему по смыслу, по мнению переводчиков и составителей.

Глагол соглядати при описании того же сюжета содержится в первой напечатанной кириллицей славянской Библии, изданной Франциском Скориною в 1517–1519 гг. в Праге: «И послал ест^o их Моисей дабы согледали землю Ханааню. И рече им: идите по той стране еже ест^o ко полудню, и вегда приидете на горы, согледаите ж земли, якова ест^o»⁴⁵.

Форму с^oг^oд^oати находим и в Библии, напечатанной Иоанном Федоровым «в граде Остроге» в 1581 г.: «И посла я [т. е. их] Моисии от пустыни Аарона с^oг^oд^oати земля Хананъския. И рече к нимъ: “Взыдите пустынею сею, и да възыдите на гору. И с^oг^oд^oаите землю, какова ест^o, и люди с^oд^oящая на ней, сил^oни ли суть или немошни. Мало ли их^o ест^o, или много. Или какова ест^o земля, на ней же сии с^oд^oять, добра ли ест^o или зла. И какови гради, в них^o же живут^o сии, ограждени ли суть или не ограждени. И какова земля, изобил^oна ли или не изобил^oна, суть ли на ней сажени садовые или не суть, и укрепившиеся възм^oте от плода земли, дни же дни летних^o предпевающимъ ягодамъ. И шедше с^oг^oдаша земля... И възвратишася оттудъ, с^oг^oдавшие землю, въ 40 дни»⁴⁶. Речь идет не о простом осмотре, а о подробном, всестороннем исследовании той земли, которую Бог предназначил для обитания

«сынам израилевым». То же разведывательное действие, обозначаемое глаголом *согледати*, встречаем в Московской библии 1663 г. в описании уже упоминаемого эпизода из 13-й книги Ветхого Завета «Числа».

Приведённые выше сведения, которые цитировались ранее по Палее толковой (по сп. 1406 г.), отражают разведывательные намерения и действия народа, предполагающего посещение на открывшейся перед ним земле после исхода из египетского плена. В словах Моисея содержится развернутое задание людям, которым для осмотра предстоит отправиться в землю Ханаанскую. В группу разведчиков, по указанию Господа, вошли «главные» представители от каждого из двенадцати «израилевых колен». Последнее обстоятельство свидетельствовало о том, что к разведке («согледанию») с библейских времен привлекались лица, занимавшие высокое положение в обществе.

«2. И сказал Господь Моисею, говоря:

3. пошли от себя людей, чтобы они высмотрели землю Ханаанскую, которую Я даю сынам Израилевым; по одному человеку от колена отцов их пошлите, главных из них...

18. И послал их Моисей [из пустыни Фаран] высмотреть землю Ханаанскую и сказал им: пойдите в эту южную страну, и взойдите на гору,

19. и осмотрите землю, какова она, и народ живущий на ней, силен ли он или слаб, многочислен ли он или многочислен?

20. и какова земля, на которой он живет, хороша ли она или худа? и каковы города, в которых он живет, в шатрах ли он живет или в укреплениях?

21. и какова земля, тучна ли она или тоща? есть ли на ней [здесь и далее курсивом набраны слова, добавленные переводчиками «для ясности и связи речи»] деревья или нет? будьте смелы, и возьмите от плодов земли. Было же это ко времени созревания винограда.

22. Они пошли и высмотрели землю от пустыни Син даже до Рехова, близ Емафа;

23. и пошли в южную страну, и дошли до Хеврона, где жили Ахиман, Сесай и Фалмай, дети Енаковых: Хеврон же построен был семью годами прежде Цоана, [города] Египетского;

24. и пришли к долине Есхол, [осмотрели ее,] и срезали там виноградную ветвь с одной кистью ягод, и понесли ее на шесте двое; взяли также гранатовых яблок и смокв;

25. место сие называли долиною Есхол, по причине виноградной кисти, которую срезали там сыны израилены.

26. И высмотрев землю, возвратились они через сорок дней»⁴⁷.

При оценке собранной информации в пришедшем народе возникли острые разногласия относительно дальнейших действий. Вернувшиеся разведчики настолько были потрясены увиденным, что высказали сомнение в возможности овладеть землей, в которую они ходили:

«27. И пошли и пришли к Моисею и Аарону и ко всему обществу сынов израиленых в пустыню Фаран, в Кадес, и принесли им и всему обществу ответ, и показали им плоды земли;

28. и рассказывали ему и говорили: мы ходили в землю, в которую ты посылаи нас; в ней подлинно течет молоко и мед, и вот плоды ее;

29. но народ, живущий на земле той, силен, и города укрепленные, весьма большие, и сынов Енаковых мы видели там;

31. Но Халев успокаивал народ пред Моисеем, говоря: пойдем и завладеем ею, потому что мы можем одолеть ее.

32. А те, которые ходили с ним, говорили: не можем мы идти против народа сего, ибо он сильнее нас.

33. И распускали худую молву о земле, которую они осматривали, между сынами израилеными, говоря: земля, которую проходили мы для осмотра, есть земля, поедаящая живущих на ней, и весь народ, который видели мы среди ее, люди великорослые;

34. там видели мы и исполинов, сынов Енаковых, от исполинского рода; и мы были в глазах наших пред ними, как саранча, такими же были мы и в глазах их»⁴⁸.

И поднялся ропот: стали даже поговаривать, не лучше ли возвратиться в Египет. И только двое из двенадцати разведчиков – Иисус, сын Навина, и Халев, сын Иефоннин – начали доказывать, что, если Господь милостив к ним, то Он введет их в землю сию и «даст им ее – эту землю, в которой течет молоко и мед», и призывали не восставать против Господа и не бояться народа той земли.

«10. И сказал все общество: побить их [Иисуса и Халева] камнями!»⁴⁹.

Всевышний сурово наказал тех из разведчиков, кто отговаривал сынов израилевых, вторгаться в землю Ханаанскую:

«30. не войдете в землю, на которой Я, подъяв руку Мою, клялся поселить вас, кроме Халева, сына Иефоннина, и Иисуса, сына Навина;

31. детей ваших, о которых вы говорили, что они достанутся в добычу врагам, Я введу туда, и они узнают землю, которую вы презрели,

32. а ваши трупы падут в пустыне сей;

33. а сыны ваши будут кочевать в пустыне сорок лет, и будут нести наказание за блудодейство ваше, доколе не погибнут все тела ваши в пустыне;

34. по числу сорока дней, в которые вы осматривали землю, вы понесете наказание за грехи ваши сорок лет, год за день, дабы вы познали, что значит быть оставленным Мною.

35. Я, Господь, говорю, и так и сделаю со всем сим злым обществом, восставшим против Меня: в пустыне сей все они погибнут и перемрут.

36. И те, которых посылал Моисей для осмотра земли, и которые, возвратившись, возмутили против него все сие общество, распуская худую молву о земле,

37. сии, распустившие худую молву о земле, умерли, быв поражены пред Господом;

38. только Иисус, сын Навин, и Халев, сын Иефоннин, остались живы из тех мужей, которые ходили осматривать землю»⁵⁰.

В итоге операция, организованная по указанию свыше, завершилась санкциями, несоизмеримыми по своей жестокости в сравнении с содеянным, в отношении тех ее участников, которые попытались сделать по завершению разведывательной операции свои выводы, – выводы, которые не совпали с мнением высшего руководства, по поводу использования полученной информации.

Прошло сорок лет после описываемых событий. Библия повествует, что после смерти Моисея вождём израильского народа стал Иисус Навин, под руководством которого израильтяне овладели обетованной землей. Иерихон был первым городом-крепостью, который преграждал израильтянам доступ в возделанный Ханаан. Город-крепость Иерихон был полностью готов к обороне: с неприступными двойными стенами, с запасами зерна нового урожая. Но это не помогло жителям, скрывавшимся за его стенами, – город был взят уже на седьмой день осады. Как повествует Библия, стены города рухнули чудесным образом после того, как израильтяне семь раз обошли город («однажды в день») и священники «затрубили трубами», и «воскликнул народ громким голосом». По завалам израильтяне вошли в город «и предали его заклятию, всё, что в городе, и мужей и жён»⁵¹.

В истории падения Иерихона, описанной в Библии, есть один, казалось бы, незначительный, с точки зрения его завоевания, эпизод, а именно – организация разведки города. Однако этот эпизод был незначителен только на первый взгляд. Иисус Навин понимал всю важность предварительного сбора сведений о территории, на которую предстояло ступить. Уже имея определенные навыки в разведывательной деятельности, он послал двух юношей в Иерихон, причём съглядати предлагалось втай, то есть тайно, не обнаруживая своих намерений.

Острожская библия 1581 г. свидетельствует: «И посла Исуъ с<ы>нъ Навинъ от Сатина [т. е. Ситтима – долины, где израильтяне расположились станом, немного не доходя

до реки Иордан] двѣ юноши съглядати втай, г<лаго>ля, възидѣте съгледаите землю Иерихонъ»⁵².

Два юноши в Иерихоне пришли в дом блудницы, по имени Раав, и остались ночевать там. Разведчики не случайно выбрали в качестве укрытия дом Раав: ее жилище примыкало к крепостной стене, значит, отпадала необходимость «расхаживать» по городу в поисках убежища на ночь. Да и сам источник получения информации был выбран правильно: её профессия «блудницы» свидетельствовала о широком общении с окружающими людьми, а пренебрежительное отношение общества к ней способствовало ее готовности к сотрудничеству с посланцами противника. Судя по всему, у разведчиков имелась заранее собранная информация о Раав, дававшая основание считать, что она пойдет на сотрудничество с ними. Или, что весьма вероятно, она уже имела контакты с «сынами израилевыми».

Разведчики были плохими конспираторами. Об их прибытии в город бдительные граждане донесли царю Иерихона, который отправил солдат задержать незваных пришельцев: «И повѣдаша ц<а>рю иерихонскому, г<лаго>люще: се мужа видоста съмо в сию ночь от с<ы>новъ и<зра>илевъ съглядати земля. И посла ц<а>рь... къ Раави г<лаго>ля: изведе мужа, въшедшая в дом твои нощию, съглядати бо земля приидоста»⁵³.

Раав скрыла израильских разведчиков на кровле своего дома в снопах льна, и затем, улучив момент, спустила их по веревке в окно за городскую стену. Следуя ее советам, разведчики скрывались три дня на одной горе и затем, благополучно перейдя Иордан, возвратились к своему стану с информацией об обороне города-крепости Иерихон, полученной от Раав. Блудница и израильтяне заключили между собою условие, что первая возьмет червленную веревку [багряного, темно-красного цвета] и прикрепит ее к окну, или к отверстию, через которое они скрылись, и когда город будет разрушен, то дом её и все находящиеся в нём будут пощажены. Известие, полученное от разведчиков, побудило Иисуса Навина немедленно приступить к осаде Иерихона; когда же город был взят и сожжён, Раав и её род не подверглись истреблению, согласно обещанию, данному разведчиками⁵⁴. После этого Раав стала женой князя Салмона и вошла в родословную царя Давида и Христа Спасителя. «Раав блудница, – пишет апостол Иаков, – не делами ли оправдалась, приняв соглядатаев, и отпустив их другим путем?»⁵⁵ А апостол Павел, в свою очередь, отмечает: «Верую Раав блудница, с миром приняв соглядатаев (и проводив их другим путём), не погибла с неверными»⁵⁶.

Информация, переданная Раав, была получена в результате её целенаправленного общения с клиентами и являлась результатом её личных наблюдений.

Глагол согледати присутствует в Острожской Библии и в повествовании о войне каждого колена сынов израилевых с хананеями за овладение «наследством». Речь идёт о разведывательной информации, полученной от так называемого таля – пленника: «И възидоша с<ы>нове Иосифли и сии въ Вефиль и Г<оспод>ь бѣше с ними. И соглядали быша с<ы>нове Иосифовы Вефиль. Имя же бѣ прежде граду Люза. И видѣша стрегущи мужа. сходящаго из града. И яша и, и рекоша ему: “Покажи ны вход въ град и сътворим с тобою милость”. И постыкоша град ихъ мечемъ, а мужа и сородство его отпустиша»⁵⁷.

[И сыны Иосифа пошли на Вефиль, и Господь был с ними. И остановились, и высматривали (разглядывали, изучали) сыны Иосифовы Вефиль, имя же городу было прежде Луз. И увидели стражи человека, идущего из города, и взяли его, и сказали ему: “Покажи нам вход в город, и сделаем с тобою милость”. Он показал им вход в город, и поразили они город мечом, а человека сего и всех его родственников отпустили].

В Лаврентьевской летописи под 997 годом встречаем слово разглядати (розглядати) в значении ‘осматривая, разузнать, разведать что-л.’⁵⁸. Пошел великий князь киевский Владимир Святославич к «Новугороду», чтобы собрать войско против печенегов, так как шла в то время «беспрерывная великая война». Печенеги, узнав что нет князя, пришли по(вы)смот-

реть, как настроены горожане, и стали у деревянно-земляной крепости Белгорода под Киевом: «Печеньзи же ради бывшие, мняще, яко предатися хотят, пояша оу них тали [пленники], а сами избраша лучыиши мужи в городѣхъ и послаша в градъ, да розглядають в городъ, что ся дѣеть»⁵⁹.

[Взяв в плен киевлянина, печенеги обрадовались, подумав, что осаждённые хотят им сдаться, а сами выбрали лучших мужей в своих родах и послали в город, чтобы разведать, что там делается].

Одно из значений глагола *осмотрети* (*осмотрити*) – ‘разведать, высмотреть’⁶⁰. Ипатьевская летопись под 1274 годом (на самом деле события происходили в 1275 г.) повествует о том, что князь Галицкий Лев Данилович обратился за помощью «ко великому цареву Менгу Тимереви», т. е. Менгу-Тимуру (1266–1282) – хану улуса Джучи (Золотой Орды) – в проведении боевых действий против великого литовского князя Тройдена. И Менгу-Темур дал ему рать. На помощь пришел и Владимир Василькович, князь Вольнский.

«1274... Татари же прислаша ко Лвови и къ Володимерови, тако рекуче: “Дети наши виделе, оже рать стоить за горою, пара идетъ изъ коней; а пошлете люди добрыи съ нашими татари, ать усмотрятъ што будетъ”. Они же послаша съ ними добрыи [надежные] люди, и тако ехавше осмотреша, оже несутъ рати, но пара идяшетъ со истоковъ текущихъ изъ горъ, зане морозе бяхуть велице»⁶¹. Данные татарской разведки не подтвердились – за горой не оказалось рати противника, и пар шел не от лошадей, а от источников, текущих с гор.

От глаголов *смотреть* (*смотреть*), *глядать* образовались производные *подсмотреть*, *подсматривать*, *подглядать*, *подглядеть* в значении ‘выследить’, ‘тайно осмотреть’, которое придаётся новым словам приставкой *под*, что, по В. И. Даю, выражает в том числе и ‘действие исподволь’⁶².

В 1223 г. татаро-монголы пришли на землю Половецкую, многих побили и вернулись в свои станы. Тогда половцы прибежали в Русскую землю и сказали русским князьям: «Если вы нам не поможете, то сегодня мы были побиты, а вы завтра побиты будете». Был совет всех князей в городе Киеве, и было решено на совете так: «Лучше нам встретить их на чужой земле, чем на своей». Весной, в апреле, войска русских князей подошли к Днепру, к острову Варяжскому. И съехалось тут с ними всё половецкое кочевье, приехали черниговцы, киевляне, смоляне и иных земель жители.

Московский летописный свод XVI в. сообщает о действиях, предпринимаемых татаро-монголами, чтобы выявить численность противостоявших им войск, в частности, учесть число воинов, прибывших водным путем. Для этого следовало сосчитать число кораблей («ладей»), на которых они были доставлены к месту сражения. «Приидоша же и выгонци галичские [то есть те, кто во время длительных усобиц переселился или был изгнан за пределы Галицкой земли] в лодиях по Днестру и выидоша в море, бѣ бо лодии 1000, и воидоша в рѣку Днѣпръ, и взведоша пороги, и стаиша у рѣкы Хортици на бродѣ»⁶³. [Изгнанники галицкие прошли по Днестру и вышли в море; у них была тысяча лодок. Они вошли в Днепр, поднялись до порогов и стали у реки Хортицы на бродѣ]. «Пришедшие же въѣсти въ станы, яко пришли суть [татаро-монголы] подсмотреть олядии [лодки, ладьи] русьскыя»⁶⁴. Дошла до стана весть, что пришли они посмотреть на русские ладьи. 31 мая 1223 г. состоялась битва на реке Калка, в ходе которой русско-половецкое войско потерпело сокрушительное поражение от татаро-монгольской конницы Джэбе и Субэдэя.

Словарь русского языка XI–XVII вв. отмечает в источниках XII в. глагол *ведати* в значении ‘знать, иметь сведения о ком-, чем-либо’. Этот глагол стал впоследствии основой многих ключевых слов разведывательного лексикона. «Ни единъ же отъ ч<е>л<о>в<е>къ, сущихъ въ Александрии, за ту б лѣтъ вѣдааше, кѣде есть патриархъ» [Никто не знал в течение шести

лет, где находится патриарх], – сообщается в Житии св. Афанасия, архиепископа Александрийского⁶⁵.

Префиксы с-, у-, от-, до- придают глагольной основе ведать значение «совершить (дovести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом»⁶⁶. Речь идёт о глаголах сведати, уведати, отвед(ыв)ати, доведыватися, которым приставки придают различные оттенки.

Глагол уведывати в значении 'узнавать, разведывать' под 1170 годом встречается в Ипатьевской летописи. Весной 1168 г. великий князь Киевский Мстислав Изяславич во главе войск почти всех южнорусских княжеств предпринял большой поход против половцев с целью обеспечения безопасности торговых путей «из варяг в греки» в Северном Причерноморье. На девятый день движения русских войск от Киева половцы узнали об их приближении от пленника и бежали, а русские князья организовали их преследование.

«Ипатьевская летопись так сообщает об этом событии: «1170: Идоша кн<я>зи 9 дновъ ис Киева, и быс<ть> вѣсть половцемъ от коцѣя [пленника] от Гаврилкова от Иславича, оже идуть на нѣ [них] кн<я>зи русьстии, и побѣгоша лишившися жєнѣ и дѣтми. Кн<я>зи же оувѣдавши, оже половцы побѣгли, и лишившися жєнѣ своихъ и возѣ своихъ, и поѣхаша вборзѣ [быстро, без промедления] по них». В результате основные силы половцев были оттеснены к Чёрному лесу на правом берегу Днепра, где объединённым войском русских князей было нанесено им тяжёлое поражение.

В вышеприведённом эпизоде разведывательная информация использовалась как половцами, так и русскими князьями. Однако половцы не смогли воспользоваться полученной от пленника разведывательной информацией и изменить ситуацию. Они были настигнуты и разгромлены. Глагол сведати (сѣведати) в значении 'разузнать', 'получить сведения о ком-, чем-либо' зафиксирован в русском источнике XIII в. В Новгородской первой летописи под 1224 годом читаем о том, что пришло «неслыханное, неведомое» войско, «безбожные моавитяне», называемые татарами; на землю Половецкую. Половцы пытались сопротивляться, но даже самый сильный из них военачальник Юрий Кончакович не смог им противостоять и бежал со своим войском до Днепра, а многие его воины были перебиты. Татаро-монголы повернули назад и пошли в свои веси [станы, кочевья]. Когда же половцы с этой вестью явились в Русскую землю, то летописец записал: «Си же злоба сѣтворися месяца мая въ 31, на святого Ерѣмѣя. Татары же вѣзвратишася отъ рѣкы Днѣпря; и не сѣвѣдаемъ, откуда сѣ пришли и кдѣ сѣ дѣша опять»⁶⁷. Половцам так и не удалось выяснить, откуда пришли захватчики и куда ушли.

Глагол отведывати в значении 'узнавать, разведывать' находим в летописной записи под 1319 годом. Речь идёт о событиях 1246 г., когда черниговский князь Михаил Всеволодович был вызван в Золотую Орду. За отказ пройти языческие обряды по приказу Батыя князь был казнён. В Московской летописи читаем о действии, предпринятом его женой, которая хотела знать, что же случилось с князем: «И се увѣдавши княгини Михаила Анна и сынове его, и епископъ Варсонофий, и послаша отвѣдывати на Москву. Послании же приѣхавшии и поведаша, яко князь Михаило убѣнъ бысть»⁶⁸.

Основной смысл производных от глагола ведати в значении 'знать, иметь сведения о ком-, чем-либо' значительно шире значений, передающихся производными от глагола глядати 'высмотреть, осмотреть, обозреть, наблюдать, следить'. Возможно, поэтому и закрепляются в разведывательной терминологии производные от глагола ведать – глаголы разведать, разведывать и существительные разведывание, разведка, разведчик и др.

В начале XVI в. встречается глагол лазучити (ласучити) в значении 'заниматься шпионажем'⁶⁹.

Иностранные послы и посланники должны были заблаговременно известить о своем приближении воеводу пограничного русского города Новгорода, если это были шведы, датчане, посланцы ливонского магистра, или воеводу Смоленска, если дипломатические представители двигались из Вены, Вильно или Кракова. Воевода посылал гонцов в Москву, откуда поступали соответствующие распоряжения. После того, как послы получали от воеводы грамоту с разрешением на въезд, они вступали на русскую территорию. У рубежа их встречал пристав с небольшой свитой и указывал дальнейший путь⁷⁰. Представителей крымского хана встречали на южных «украинах», в районе Путивля, Воротыньска или Боровска, дипломатов английских – в Архангелогородской гавани, хотя самовольно сходить с кораблей на берег им не позволялось.

Порядок проезда от границы до Москвы наиболее тщательно был разработан в русско-литовской дипломатической практике в силу давности и интенсивности контактов. Тем же правилам отчасти подчинялись и посольства имперские, также приезжавшие в Россию по древней торговой дороге, которая от Вильно вела на Орию, а затем уже по русской территории – на Смоленск, Дорогобуж, Можайск и Москву.

С 1514 года, когда отвоеванный Василием III Смоленск вошёл в состав Русского государства, польско-литовских дипломатов обычно старались провезти в объезд этого города – западного военного форпоста России, – чтобы пресечь любую попытку разведки важнейшей пограничной крепости.

В 1517 г. в Москву от императора Священной Римской империи Максимилиана к великому князю Василию Иоанновичу прибыли барон Сигизмунд фон Герберштейн и фон Турн для ведения переговоров. Максимилиан выступал посредником в мирных переговорах между ведущими боевые действия Москвой и Великим княжеством Литовским. 26 апреля 1517 г. «князь великий... высылалъ къ нему [Герберштейну] бояръ же Григорья Федоровича [Челяднина], да Юрья Малаго [Юрия Дмитриевича Траханиота, по прозвищу Малый], да Шигону [Ивана Юрьевича Шигона-Поджогина], да Менишого Пуятятина [Григория Никитича Пуятятина, по прозвищу Меньшик или Меньшой]»⁷¹.

«И бояре ему [Герберштейну] говорили... и... спросили, которого для дела [прибыл] говоришь? И Жигимонтъ [Герберштейн] говорилъ: ехалъ есми къ великому государю мимо его въ отчину великий Новгородъ, и ко мне присылалъ бояринъ и наместникъ великого государя князь Александръ Володимировичъ, а говорили мне отъ него: едутъ съ тобою три литвины, и ты бѣ ихъ велелъ беречи, чтобъ, едучи, никуды на сторону не сворачивали, или бы язъ ихъ назадъ воротилъ; и язъ того дея вамъ говорю, что язъ не лазучити приехалъ»⁷².

Вполне понятна озабоченность боярина, новгородского наместника князя Александра Владимировича Ростовского: в посольстве Герберштейна были «три литвины», представители воевавшей с Москвой страны, и лишнего им видеть не следовало. Странно, что так отреагировал Герберштейн на предупреждение людей князя Александра Владимировича, заявляя, что он прибыл не шпионить, – речь шла не о нем. Посольство Герберштейна не достигло успеха: в качестве предварительного условия заключения мира: для совместной борьбы с турками литовцы потребовали возвращения Смоленска.

В русских летописях встречается и глагол пытати, одним из значений которого является «разведывать, разузнавать»⁷³.

Летописный сборник, именуемый Тверской летописью⁷⁴, под 1238 годом сообщает о том, как рассеялись татаро-монголы по всей земле Владимирской: одни пошли к Ростову, иные погнались за великим князем к Ярославлю, к Городцу и пленили все города по Волге до самого Галича Мерьского; некоторые пошли к Юрьеву, к Переяславлю, к Дмитрову и взяли эти города; другие же захватили Тверь. Все города оказались под их властью в Ростовской и Суздальской земле за один февраль, и не осталось места вплоть до Торжка, где бы они не были. «Прииде же си въсть къ великому князю Юрию на рѣку Сить, суицу ему тамо, а мѣсяцю

февралю уже исходящу, яко “Володимеръ взятъ бысть и суцаа въ немъ вся взята, люди вся, и епископъ, и княгиня твоя, и сынове, и снохы вся избыти, а къ тебѣ идетъ”. Онъ же бысть въ велицѣ тузѣ, яко себе не видѣти, о церковномъ разореніи и о погыбели христианской. И посла Дорожа [воеводу князя Владимирского Юрия Всеволодовича] въ просоки въ трехъ тысящахъ пытать⁷⁵ татаръ. Онъ же прибѣже, глаголя: “Господине, княже, уже обошли сущъ на насъ татарове”... А татарове пришедше къ нимъ на Сить, и бысть съча зла, и побѣдиша рускыхъ князей. Ту же убиенъ бысть князь великий Юрий Всеволодовичъ, внукъ Юриевъ Долгорукого, сына Манамахова, и мнози вои его избииени быша»⁷⁶.

[На исходе февраля месяца пришла вѣсть к великому князю Юрию, находящемуся на реке Сити: «Владимиръ взятъ и все, что тамъ было, захвачено, перебиты все люди, и епископъ, и княгиня твоя, и сыновья, и снохи, а Батый идетъ къ тебѣ». И былъ князь Юрий в великомъ горѣ, думая не о себѣ, но о разореніи церквей и о гибели христиан. И послалъ онъ разведчикомъ Дорожа с тремя тысячами воиновъ разузнать всё о татарахъ. Тотъ вскоре прибѣжалъ назадъ и сказалъ: «Господинъ князь, уже обошли насъ татары»... Татары пришли к нимъ на Сить и в жестокой битвѣ победили русскихъ князей. Былъ убитъ великий князь Юрий Всеволодовичъ, внукъ Юрия Долгорукого, сына Владимира Мономаха, и убиты были многие воины его].

В этомъ отрывкѣ из Тверской летописи наряду с глаголомъ пытать в значеніи ‘разведать’ встречается словосочетаніе послати в просоки ‘послать разведчикомъ’. Наряду с существительнымъ просокъ (мн. число просокове), в памятникахъ письменности Древней Руси XII–XVI вв. синонимомъ ‘разведчика’ выступаютъ слова рассок (расок, росок), рассочникъ (росочникъ), соглядатай, соглядатель, соглядникъ (сгглядникъ), сзоратай, прелагатай, лазука.

Слово рассочникъ в значеніи ‘разведчикъ’ употребляется дважды в переводѣ с древнегреческаго языка книги «Исторія иудейской войны» Иосифа Флавія, которая была известна на Руси с XI вѣка, но до нашего времени дошла в спискахъ не ранее XV вѣка.

В античной Александріи (по списку XV в.) греческое населеніе находилось в постоянной враждѣ с иудеями с техъ поръ, какъ имъ была предоставлена возможность селиться на равныхъ правахъ с элинами. В одномъ собраніи, созванномъ жителями Александріи по поводу отправления посольства к Нерону, элины увидѣли десять иудеевъ и с криками «шпионы, разведчики!» бросились на нихъ, поймали и решили сжечь ихъ. Все иудейское населеніе поднялось тогда на мѣсть. Вначалѣ они бросали камни в элиновъ, затѣмъ зажгли факелы и вознамерились поджечь городъ. В книгѣ такъ описанъ этотъ случай: «И приключися ту видѣти десять отъ жидовъ, абие въскликнуша яко росочники сущъ, и емше отъ нихъ, приведоша, да ижжегутъ я живы. И въздвигоуся вси жидове на мѣсть. И прѣвое же камение пуцаху на еллины, потомъ же лучици въжжегоше и устремишася зажещи градъ весь»⁷⁷.

К слову росочникъ приводится параллель из древнегреческаго языка *κατάσκοπος*, что означаетъ ‘разведчикъ, соглядатай’⁷⁸. В «Древнегреческо-русскомъ словарѣ» кроме слова *κατάσκοπος* ‘разведчикъ, соглядатай’ есть однокоренное существительное *κατάσκοπή*, обозначающее процессъ ‘осмотръ, наблюдение, разведка’, прилагательное *κατάσκοπικός* ‘разведывательный’, а также названіе разведывательнаго или сторожеваго судна *κατασκοπίον*⁷⁹. Какъ видимъ, в Древней Греціи существовала своя терминологія разведывательнаго дела.

В «Исторіи иудейской войны» Иосифа Флавія находимъ и еще одно употребленіе слова рассочникъ в значеніи ‘разведчикъ’. Бывшій разбойникъ, иудей Симонъ, решившись завоевать Идумею, историческую область на югѣ Израильскаго нагорья, во главѣ войска двинулся к ея границамъ. Идумеяне же, которымъ могущество Симона внушало страхъ, решили, прежде чѣмъ вступить с нимъ в битву, направить разведчика, чтобы вывести силы непріятели. Иаковъ, одинъ изъ полководцевъ Идумеи, замысливъ предательство, вызвался добровольно исполнить это порученіе. Онъ отправился к Симону, чтобы договориться с нимъ о наградѣ за свое отступничество: «И събра болѣешую силу Симонъ, и по малѣ днии пакы прииде на нь, си боящася замыс-

лишиа ростъсоучнику на съгядание вои его. И на ту службу влася Яковъ единъ от воеводъ, помысля предание, пришедъ къ Симону ротися съ нимъ да в ч<ес>ти будетъ от него, и да придасть ему Идумею»⁸⁰. Издатели привели к этому тексту следующую греческую параллель: катаσκέψασθαι 'ростъсоучники, посланные на съгядание'⁸¹.

В Библии Геннадия 1499 г. в книге Бытия находим наряду с просокове (множ. число от просок 'разведчик') синоним прелагатаи 'разведчики'. В главе 42 рассказывается, как старшие братья Иосифа пришли из земли Ханаанской, где был голод, в Египет, чтобы купить хлеба. Иосиф в то время был главным начальником в Египетской земле, первым после фараона, и был облечён полномочиями заготовливать хлеб и давать разрешение на его продажю. Иосиф узнал братьев, но не подал виду и, неузнанный, говорил с ними сурово. У него были все основания подозревать братьев в недобрых намерениях, так как именно они, возненавидев его за отеческую к нему любовь, продали Иосифа в рабство: «И помяну Иосифъ сны своя, яже виде самъ и... рече им: И прелагатаи есте, съгядати пути и земля сиа приидосте». Но братья поспешили отказаться от разведывательных целей своего прибытия: «Они же реша: мирници есме [т. е. мы – мирные люди], а не просокове, ни прелагатаи»⁸². Здесь наряду с просокове употребляется синоним прелагатаи. В Палее толковой XIII в. (по списку 1477 г.) также присутствуют синонимы просокове и прелагатаи: «Пришли братья Иосифа в Египет купити пшеницы. Позна же Иосиф брат<и>ую свою... и реч<е>: Просокове есте вы и прелагатаи. Приидосте бо соглядати пут<и> земля ся»⁸³.

В Библии, напечатанной Иоанном Федоровым «в граде Остроге» в 1581 г., нет существительного просокове, остается только прелагатаи: «...и рече им: прелагатаи есте»⁸⁴. Существительное прелагатаи в значении 'разведчик' является производным от глагола прелагати 'исследовать, расследовать'⁸⁵.

В Мстиславовом евангелии, датированном до 1117 г., речь идет о тех днях, когда Иисус учил в храме и «благовествовал». Первосвященники и книжники искали повода, чтобы схватить его, и решили послать прелогатая ('наблюдателя, соглядатая, разведчика'), который, притворившись праведником и единомышленником, поймал бы его на слове и предал властям: «Възискаша старъишины жьрьчьскы и книжьници възложити на И<ису>са руцъ... и ублюдьше пустиша прълогатая, мьянцеся правдьници суще, да имуть и словесы да быша и предали властелемъ»⁸⁶.

В каноническом издании Библии 1876 г. в повествовании об Иосифе найдено слово соглядатая в значении 'разведчик', по мнению составителей, более подходящее и понятное по смыслу, чем прелагатаи: «И вспомнил Иосиф сны, которые снились ему о них; и сказал им: вы соглядатаи, вы пришли высмотреть наготу земли сей»⁸⁷.

В Книге Иисуса Навина того же издания встречаем существительное соглядатаи в описанном выше эпизоде о разведке и взятии Иерихона; глагол же съгядати, присутствовавший в Острожской библии 1581 г., заменяется здесь словом осмотреть: «И послал Иисус, сын Навин, из Ситтима двух соглядатаев тайно и сказал: пойдите, осмотрите землю и Иерихон»⁸⁸.

Слово соглядникъ (съгядникъ) в значении 'разведчик, лазутчик, соглядатая' дает Геннадиевская библия 1499 г., в которой воспроизводятся отдельные выдержки из книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова⁸⁹, относящейся к числу второканонических книг⁹⁰.

Съгядатель в значении 'разведчик' и глагол сгядати в значении 'осматривать, разведывать, наблюдать' встречаются в Палее толковой (по списку 1406 г.) в процитированном выше фрагменте из главы 13-й четвертой книги Моисеевой «Числа» Ветхого Завета, где речь шла об осмотре Ханаанской земли: «Реч<е> Г<о>с<под>ъ къ Моисееви: "Пусти от себе мужа, да сгядаетъ землю Хананъскую". Того рад<и> съгядателя повеле имъ послати Б<ог>ъ»⁹¹.

В Великих Минях Четих, собранных всероссийским митрополитом Макарием и изданных в XIX веке по спискам XVI в., в Житии Моисея уже упоминаемый библейский сюжет о разведке (съзглядании) земли Ханаанской направленными Моисеем, по слову Господню, посланцами, по одному от каждого колена, описывается так: «Они же, шедшие на съзглядание земля, и принесоша отъ плодъ земныхъ и рекоша: “Ходихомъ на землю, кипящую медомъ и млекоомъ, но чада люта живутъ на ней”»⁹².

Летописец Переяславля Суздальского, составленный в начале XIII в. (между 1214 и 1219 годами, по списку XV в.), использует слово *сзоратай* в значении ‘разведчик, наблюдатель’, рассказывая о событиях 1019 г.

Пришел великий князь киевский Святополк Ярополкович, прозванный Окаянным в связи с обвинением в убийстве братьев Бориса и Глеба, вместе с печенегами с силой грозной. Ярослав Владимирович Мудрый собрал множество воинов и вышел против него на Альту (Льту), реку в Переяславском княжестве. Была тогда пятница, всходило солнце, когда сошлись две стороны, и была сеча жестокая. К вечеру одолел Ярослав, а Святополк бежал. И когда бежал он, «напал на него бес», и расслабили все члены его, и не мог он сидеть на коне, несли его на носилках. И бежавшие с ним принесли его к Берестью, городу в Волынском княжестве. «Он же не хоте ту почити, рече: “Побегнете, женут по нас [гонятся за нами]”. И не обретаху [не обнаружили, не заметили] гонящего сзоратая. Он же вращае [воскликая] рекы: “Охъ, женут по нас”», – сообщается в Летописце Переяславля Суздальского⁹³. И «прибежав» в пустынное место между Польшей и Чехией, Святополк в муках окончил жизнь свою. Слова созирати (съзирати, зирати) в Словаре русского языка XI–XVII вв. толкуются как ‘наблюдать, следить, разведывать’⁹⁴.

Приведенное выше из Тверской летописи под 1238 годом событие о Дороже в Палее толковой XIII в. (по списку 1406 г.) описывается с использованием термина *посок* в значении ‘разведка, розыск’⁹⁵: «Князь велики Юрьи посла Дорожа въ посоки 3000 муж, и прибеже Дорожь и рече...»⁹⁶.

В древнерусских летописях встречаются производные от глагола *разглядати* (розглядати) – *разгляда* (розгляда) в значении – ‘разведка, высматривание’⁹⁷ и *разглядание* (розглядание) – ‘разведка, осмотр, высматривание’⁹⁸.

В 1155 г. половцы начали тревожить набегами берега Днепра. Юрий (Георгий, Гюрги) Владимирович, по прозвищу Долгорукий, младший сын Владимира Мономаха, предпринимает попытку успокоить своих бывших союзников дарами и посулами, склоняя их к заключению нового союза. Когда половцы пришли под город Дубницу и стали в верховьях реки Супой, Юрий (княжил в Киеве в 1149–1150 гг. и в 1155–1157 гг.) вышел к Каневу вместе с Ростиславом, смоленским князем, Владимиром и Ярославом Мстиславичами, да еще из Галиции подошла помощь. Половцы шли с воинственными намерениями, но увидев русское войско, не решились вступить в открытое сражение и повернули коней в степь. Вот как сообщает об этом Лаврентьевская летопись: «Того же лета... придоша изнова половцы на миръ, и стаа по Дубныцю оли и до верхъ [реки] Супоя. Гюрги же поима Ростислава и Володимера, и Ярослава, и гальчскую помощь, и иде на снемъ [встречу] к Каневу. И посла къ половцемъ, река: “Поидете ко мне на миръ”. Онехъ же приеха мало, акы на розгляду, и рекоша: “Придемъ къ тебе заутра вси”; и на ту ночь бежаа вси»⁹⁹. Скорее всего, половцы приезжали узнать, какова сила русских и стоит ли на них нападать.

Об этом же событии повествует и Ипатьевская летопись: «Томъ же лете придоша изнова половцы на миръ, и стаа по Дубныцю оли до верхъ Супоя. Дюргий же скупся [собравшись вместе] съ сыновцемъ своимъ съ Ростиславомъ, и съ Володимиромъ, и съ Ярославомъ Изяславичемъ, и Галичскую помочъ поима пойде на снемъ къ Каневу; и посла къ половцемъ

река: “пойдете ко мне на миръ”. Половецъ же приехаши къ нему мало, яко на розглядание, и рекоша: “Придемъ къ тебе завтра вси” – и на ту ночь бежаша вси»¹⁰⁰. Мир «со степью» т. е. с половцами, которого добивался Юрий Владимирович, был заключен только в конце следующего года.

Слово *росъсочьство* (*рассочство*) в значении ‘деятельность лазутчика, соглядаемая’¹⁰¹ появляется в переводе с древнегреческого труда Иосифа Флавия, в котором он упоминает о лицах, направляемых в разведку прокуратором (правителем) Иудеи Антипатром: «И мнози же прихождаху остряще я на гнѣвъ, мнози же на росъсочьства от Антипатра»¹⁰².

В памятниках письменности Древней Руси XII–XV вв., чаще всего в летописях, из разведывательной лексики встречается древнерусское слово *сторѡжа*¹⁰³. *Сторѡжа* – действие по глаголу *стеречи* ‘стоять на страже, нести караульную службу; охранять; следить, наблюдать; подстергать, подкарауливать’¹⁰⁴.

В «Повести временных лет» находим не только сообщения о боевых событиях, но и о попытках раскрыть причины успеха или неуспеха военных действий. Здесь можно видеть описание состава рати, почерпнуть сведения о вооружении древнерусских воинов, о способах ведения боя. Летописец часто пытается анализировать причины успехов и неудач тех или иных походов. Описывая походы Святослава и Владимира Мономаха, он указывает на некоторые особенности военного искусства. Так, «Поучение» Владимира Мономаха¹⁰⁵, имеющееся в Лаврентьевской летописи, было создано как своего рода завещание, в котором князь хотел передать наследникам накопленный им опыт государственного и военного деятеля. Так, говоря о своих походах, Владимир Мономах настоятельно рекомендует в походе соблюдать бдительность и обращать особое внимание на организацию охранения войска. Он обращается к сыновьям со словами: «На войну вышедъ, не лѣнитесь, не зрите на воеводы; ни питью, ни ѣденю не лагодите, ни спаню; и сторѡжѣ сами наряживайте, и ночь, отвсюду нарядивше около вои, тоже лязите, а рано встанѣте; а оружѣя не снимайте с себе вборзѣ, не разглядавши лѣнощами, внезапно бо челоувѣкъ погыбаеъ»¹⁰⁶.

[На войну выйдя, не лѣнитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спаню; сторѡжей сами расставляйте, и ночью, поставив их со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружѣя не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает]. Понятие *сторѡжа* было многозначным и включало не только походное охранение войска и охрану его на стоянках с целью предупреждения внезапного нападения, но и организацию разведки – сбор сведений о противнике и о местности, наблюдение за неприятелем для выявления его намерений, воспрепятствование противнику в сборе сведений о своем войске и его расположении, а также захват неприятельских разведчиков.

В 968 г. впервые пришли печенеги на Русскую землю, по свидетельству Ипатьевской летописи, а великий князь киевский Святослав Игоревич был тогда в устье Дуная в Переяславце, где оставался после войны с болгарами. Мать Святослава, княгиня Ольга, со своими внуками заперлась в Киеве. И осадили печенеги город силой великой, было их бесчисленное множество. Древнерусский воевода, по имени Претич, находившийся со своей дружиной на противоположной стороне Днепра, сказал: «Пойдем завтра в ладьях и, захватив с собой княгиню и княжичей, умчим [увезём] на этот берег». И на следующее утро, близко к рассвету, они сели в ладьи и громко затрубили, а люди в городе закричали. Печенеги же решили, что пришел князь с войском, и разбежались от города врассыпную. А Ольга с внуками и людьми вышла к ладьям.

«И видѣвъ же князь печенѣжскѣи възвратис<я> единъ къ воевод<е> Притичю и реч<е>: “Кто се приде?” И реч<е> ему: “Лю<ди>е оная страны”. И ре<че> князь печенѣжс-

схыи: «А ты князь ли еси?» Он же реч<е>: «Азъ есмь мужъ ег<о>, и пришелъ есмь въ сторѡжехъ, а по мнѣ идетъ вои беициленное множество»¹⁰⁷.

[Печенежский же князь, увидев это, возвратился один к воеводе Претичу и спросил: «Кто это пришел?» А тот ответил ему: «Люди с той стороны». Печенежский князь спросил: «А ты не князь ли?». Претич же ответил: «Я муж его, пришел в разведку, а за мною идет воинов бесчисленное множество»]. Так сказал он, чтобы припугнуть неприятеля. И печенеги отступили от города, как сообщается в летописи. На самом же деле печенежское нашествие на Киев было отбито не столько хитростью воеводы Претича, сколько с помощью войска, которое он привел с собой на помощь осажденным в городе княгине Ольге и киевлянам с Днепровского левобережья. Множественное число слова въ сторѡжехъ употреблялось для обозначения группы вооруженных всадников, выполнявших вышеупомянутые функции. Состав конной группы, направляемой в разведку, мог быть различен: от нескольких человек до нескольких сотен. В последнем случае разведка непременно сопровождалась боевыми действиями, в ходе которых вскрывались намерения противника, выявлялся его боевой состав, расположение войск.

Наиболее подробное описание организации разведки находим в Никоновском летописном своде, когда речь заходит о событиях, предшествовавших Куликовскому сражению. Здесь первоочередное место занимает задача получения информации от направляемых в разведку сторѡжей. Вместе с тем говорится и об удавшейся попытке организовать разведку на государственном (великокняжеском) уровне.

По Никоновской летописи, летом 1380 года Мамай переправился «со всеми силами» через Волгу, подошел к устью реки Воронеж и расположил свои кочевья в рязанских «пределах»: «Тогда прииде вѣсть на Москву къ великому князю Дмитрею Ивановичю, яко князь Мамай Воложъскыя орды не у къ тому князь зовется, но великий силъ<ь>ный царь, и стоитъ на Вороножъ, кочюя во мнозъ силъ, и хоцетъ на тебе ити ратью»¹⁰⁸. «И се пакы приидоша иныя вѣсти глаголюще, яко Мамай неложно грядетъ с великою яростию во мнозъ силъ»¹⁰⁹. О реальности предстоящего нашествия в этом сообщении говорит слово неложно (нелъжъсно) – «истинно, правдиво, без обмана; действительно, на самом деле»¹¹⁰.

Вскоре в Москве появляются послы Мамаея с требованием уплаты «выхода» (поземельного разового сбора) в том же размере, в каком его собирали при хане Джанибеке: «И абие внезапно приидоша татарове, послы отъ Мамаа, къ великому князю Дмитрею Ивановичю на Москву просяще выхода, какъ было при царе Азбѣке¹¹¹ и при сыне Азбѣкове Чѣнибеке¹¹², а не по своему dokonчанию, какъ рядъ былъ съ нимъ... Онъ же [Мамай] просяще, какъ было при древнихъ царехъ; князь великы же такъ не дааше. Послы же Мамаевы гордо глаголаху, и Мамаа поведаяща близъ стояща въ поле за Дономъ со мною силою. Князь велики же вся сиа поведаети своему [духовному] Киприану, митрополиту всея Руси»¹¹³.

Следуя рекомендациям митрополита Киприана, Дмитрий отправляет к ордынскому правителю для передачи ему «злата и сребра много» своего посла Захария Тютчева в сопровождении двух толмачей: «Князь великий же Дмитрей Ивановичъ послушавъ отца своего Киприана, митрополита всея Руси, и по совету его посла избраннаго на сицевая дела, именемъ Захарю Тютчева¹¹⁴, давъ ему два толмача, умеющихъ татарский языкъ, и злата и сребра много, и отпусти съ нимъ ко царю Мамаю»¹¹⁵. Следовательно, претензия Мамаея на «выход» в какой-то мере должна была получить удовлетворение. По-видимому, Дмитрий, князь Московский и великий князь Владимирский, пытался закончить дело мирным путем. Вместе с тем, готовясь к войне, князь старался посредством хорошо организованной разведки все время быть осведомленным о действиях и планах неприятеля, иметь достоверные сведения о передвижении его войск.

Дойдя до Рязанской земли, Захарий Тютчев узнал о сговоре Мамай с рязанским князем Олегом и с Ягайлом, великим князем литовским, и направил «тайно» сообщение об этом в Москву: «Доиде же посолъ до земли Рязаньския и слышевъ, яко Олегъ князь Рязаньскій и Ягайло князь Литовскій приложися ко царю Мамаю, и посла тайно скоровестника къ великому князю на Москву»¹¹⁶.

Князь Дмитрий, готовясь к решительной борьбе, сообщил всем русским князьям о нависшей опасности, призывая их соединить свои полки с московской ратью: «Князь великий же по всемъ землямъ посла со смиреніемъ и умилениемъ, собираа всякия человеки въ воинство»¹¹⁷. Донесение скоровестника Захария Тютчева имело важное значение, так как вносило ясность в обстановку, обнаруживало планы рязанского князя, литовского короля и замыслы противника. Здесь в слове скоровестник раскрывается мысль о том, что первейшее значение имела скорость и своевременность доставления важных вестей от разведчика к князю.

Решено было убедиться в достоверности сведений, полученных от Тютчева. С этой целью лучшие и опытные воины были посланы в сторожку с задачей на реке Быстрой (или Тихой) Сосне¹¹⁸ сторожевую службу нести со всяким усердием, ехать к Орде и языка добыть, чтобы узнать истинные намерения Мамай: «И се паки начаша поновлятися вести, яко Мамай неотложно хочетъ ити на великаго князя Дмитрия Ивановичя... И посла на сторожку крепкихъ оруженниковъ: Родиона Ржевскаго, Андреа Волосатаго, Василиа Тулика и иныхъ крепкихъ и мужественныхъ на сие, и повеле имъ на Быстрой или на Тихой Сосне стречи со всякимъ опасениемъ, и подъ Орду ехать языка добывать, и истину уведети Мамаева хотения»¹¹⁹. Это была настоящая войсковая разведка, получившая задачу, действуя скрытно, добыть пленного и выяснить действительные замыслы противника.

Так как от высланной сторожки долгое время не было никаких вестей, выслали вторую сторожку, наказав скорее вернуться. Вторая сторожка встретила Василиа Тулика из первой сторожки, который вел пленного к великому князю. Сведения Тютчева полностью подтверждались и дополнялись новыми данными войсковой разведки: «Вести же не бе ни откуда, посланные же въ поле сторожи закоснеша, и не бе отъ нихъ вести ничтоже. Князь велики же посла в поле вторую сторожку: Климента Поленина, Ивана Святослава, Григория Судока и иныхъ съ ними, заповеда имъ вскоре возвращатися. Они же сретоша Василиа Тулика, ведуща языкъ къ великому князю, яко неложно идетъ царь на Русь, совокупяся со Ол<е>гомъ княземъ Рязанскимъ и съ Ягайломъ княземъ Литовскимъ, и еще не спешитъ царь, но ждетъ осени, да совокупится съ Литвою. Князь велики же Дмитрей Ивановичъ уведет истинно, яко неложно грядетъ [к] намъ князь Мамай съ многою силою»¹²⁰. Убедившись в том, что золотоордынское войско готовится к большому походу на Москву, Дмитрий назначил сборный пункт русской рати в Коломне.

30 августа 1380 г. русские полки переправились через Оку. Вскоре была выслана третья сторожка – конная разведка под командованием Семена Мелика. В Березуй (теперь деревня Березово на большой Епифанской дороге) прискакали два «стража» Петр Горский и Карп Олексин, которые привезли пленного из свиты самого Мамай. Пленный дал показания о том, что татарское войско находилось уже на Кузьминой гати, что в трех переходах от верховья Дона. Мамай не торопился, так как ждал подхода к нему на соединение литовского войска и рязанской рати, но через три дня войско татар должно быть уже в верховье Дона. По словам пленного, Мамай не знал о движении навстречу ему русской рати:

«И въ лето 6889 (1380), месяца сентября, пришедшу великому князю Дмитрею Ивановичю на место, нарицаемое Березуй, за двадцать и три поприща до Дону... Тогда же князь велики отпусти въ поле подъ Орду Мамаеву избраннаго своего боярина и крепкаго воеводу Семена Мелика и съ нимъ избранныхъ своихъ: Игната Креня, Фому Тынину, Петра Горскаго, Карпа Александрова, Петра Чирикова, и иныхъ многихъ нарочитыхъ и мужественныхъ и на то

устроенныхъ тамо ведомцевъ [‘знающихъ людей; тех, кто сведущ в чем-либо’¹²¹], да видятся съ стражи татарскими и подадутъ скоро вестъ. И подвижущся съ того места великому князю къ Дону тихо идуицу, вестей переимаа, и се внезапно приидоша къ нему два отъ стражей его, Петръ Горский и Карпъ Александровичъ, и привелоша языкъ нарочитъ отъ двора царева, отъ сановитыхъ царевыхъ. Той убо языкъ поведа, глаголя: “Ныне убо царь есть на Кузмине гати, не спешитъ же убо, но ожидаетъ Олга князя Рязаньскаго и Ягайла князя Олгердовича Литовьскаго; а Московьскаго князя Дмитрея собраниа не вестъ, не сретения его не чае, по предисланымъ къ нему Олговымъ книгамъ Рязаньскаго; по триехъ же днехъ имать быти на Дону”. И вопросиша его о силе Мамаеве, колика есть; он же рече: “Многое множество есть безчислено”»¹²².

Приведенная в Никоновской летописи версия о беспечности Мамае не внушает доверия. Но, несомненно, русские воины неплохо организовали скрытное наблюдение за противником. Инициатива была в их руках, и они стремились не допустить соединения ордынцев с войсками рязанцев и литовцев.

В «Сказании о Мамаевом побоище»¹²³ находим подтверждение сделанному выводу. По версии этого письменного памятника, уже на левой стороне Дона в то время действовала русская сторожка – конный отряд под командованием Семена Мелика. 7 сентября он прискакал к князю со своей сторожей и сообщил, что основные силы Мамае находятся на Гусином броде – на расстоянии одного перехода и что к утру следующего дня он дойдет до Непрядвы, то есть до того места, где располагались войска Дмитрия Ивановича. Государю же, великому князю, следует сейчас «изготовиться», чтоб не застали врасплох: «В шестый же час дни прибеже Семен Мелик з дружыною своею, а по них гонимыя мнози от татар... Семен же Мелик поведаа великому князю, яко: “Уже Мамай-царь на Гусин брод прииде, и едину ноц имеем межу собою, на утрое бо имать приити на Непрядву. Тебе же, государю великому князю, подобает днесь исплѣтитися, да не предварятъ погани”»¹²⁴.

Мамай спешил к Дону, чтобы загородить русским переправу до прибытия Ягайла, который уже двинулся от Одоева к нему навстречу. Нельзя было терять ни одной минуты. К ночи русская рать успела переправиться за Дон и расположилась на лесистых холмах при впадении в него реки Непрядвы. За холмами лежало широкое десятиверстное поле, называвшееся Куликовым; посреди его протекала речка Смолка. За ней разбила свой стан орда Мамае, который пришел сюда уже к ночи, но не успел помешать русской переправе. 8 сентября 1380 г. на Куликовом поле состоялось сражение, завершившееся победой войск под предводительством великого князя владимирского и московского Дмитрия Ивановича над войсками Золотой Орды. Как видим, разведка оказала немаловажное влияние на исход сражения.

В слова разведка, разведать корень вед- «пришел» из глагола ведать, что означало ‘знать’, ‘узнавать’ и доносить добываемые сведения’. В русских летописях с этим корнем встречается существительное вестъ, имевшее значение ‘данные разведки’, ‘известия о противнике’, когда дело касалось вооруженного противостояния.

Но в русских источниках нашли отражение и такие случаи, когда невнимание к делу разведки, пренебрежение к ее роли во взаимодействии противостоящих воинских сил приводили к печальным последствиям.

В 1096 году новгородский князь Мстислав Владимирович (старший сын Владимира Мономаха) вступил в борьбу за Муром, Суздаль и Ростов против Олега Святославича, князя черниговского. Лаврентьевская летопись так описывает эту княжескую междоусобицу: «Олег же приде к Суждалю, и слышавъ, яко идет по нем Мстиславъ, Олег же повелъ зажещи Суждаль городъ... Олегъ же побѣже к Мурому, а Мстиславъ приде [к] Суждалю и, сѣдя ту, посылаше к Ол<ь>гови, мира прося... Олег же посла к нему с лестью хотя мира. Мстислав же, имы л<ь>сти вѣры и распусти дружину по селом. И наста Федор<ов>а нед<е>ля поста, и приспѣ Федорова

суб<бо>та, а Мстиславу сѣдящу на обѣдѣ, [и] прииде ему вѣсть, яко Олегъ на Клязьмѣ, близъ бо бѣ приишелъ без вѣсти. Мстислав же ему имѣ вѣру, не постави сторожовъ»¹²⁵.

[Олег пришел к Суздалью и, услышав, что идет за ним Мстислав, повелел зажечь город Суздаль, только остался двор монастырский Печерского монастыря и церковь святого Дмитрия, которую дал монастырю Ефрем вместе с селами. Олег же побегал к Мурому, а Мстислав пришел в Суздаль и стал посылать к Олегу, предлагая помириться. Олег согласился, притворно прося мира; Мстислав поверил обману и распустил дружину по селам. И настала Федорова неделя поста, пришла Федорова суббота, и когда Мстислав сидел за обедом, то узнал, что Олег на Клязьме, подошел, не сказавшись, близко. Мстислав, доверившись ему, не расставил сторожей].

Пришел без вести, принести вѣсть, прииде ему вѣсть – эти выражения, содержащие слово вѣсть, говорят о важности в военном деле точных сведений («вестей») о противнике. Олег же с войском пришел без вести, которую должны были бы принести князю Мстиславу разведчики, предупредив его о вероломстве Олега. Мстислав виноват в том, что не организовал разведку, а именно от этого зависела жизнь людей, судьба князя, его войска и дружины, в конечном счете – судьба княжества и его населения. Вышесказанное свидетельствует о важности своевременной организации разведки, а также о значимости действий тех, кто должен был принести вѣсть, не оставлять князя без стратегических разведывательных данных.

Наряду со словом сторожа в первой половине XVI в. появляется новое слово станица в значении «конный разведывательный отряд, несущий дозорно-вестовую службу на степных границах Русского государства в XVI–XVII вв.»¹²⁶.

В конце июля – начале августа 1541 г. состоялось крупное нашествие на Москву войск крымского хана «Саипъ-Кирея» (Саип-Гирея, Сахиб Герая). В походе участвовали и военные силы Османской империи – отряды янычар и турецкая артиллерия. Однако этот поход не явился неожиданностью для московских властей: «В лето 7049 [1541]... прибежали къ великому князю ис Крыма два полоняника, Якимко Ивановъ... с товарищомъ, а сказали великому князю... царь [крымский хан]... забылъ своей правды и дружбы, нача наярязатися на Русь и съ своимъ сыномъ царевичемъ съ Мен-Гиреемъ, и всю Орду [с] собою поведе, а остави въ Орде стара да мала»¹²⁷.

Полоняник – «пленник»¹²⁸, человек, находившийся в плену у противника.

«Князь велики по темъ вестемъ послалъ в Путизмль къ наместнику своему къ Федору Плещееву къ Очину»¹²⁹, а велелъ ему послати станицу на Поле поперегъ дороге. И Федоръ послал Гаврила Толмача, и Гаврило приехалъ съ Поля, саказалъ великому князю, что наехалъ на Поле сакмы великие: или многие люди къ Руси. Тысячъ со сто и боле. И князь велики по темъ вестемъ... велелъ князю Дмитрию и всемъ воеводамъ своимъ с Коломны выйти, а стати со всеми людьми у Оки-реки по берегу [Ока служила в те годы основным рубежом на пути к Москве с юга]», – дается под 1541 годом в летописном сборнике, именуемом Патриаршие или Никоновская летопись¹³⁰.

«Поле» («Дикое поле»)¹³¹ – название степной территории к югу и юго-востоку от Московского государства, отделяющей его от Крымского ханства. Сакма (вероятно, от тюрк. *sak* «бить») – изначально это след на земле, оставленный зверем или конницей. Позднее сакма означала всякую проторенную, проверенную дорогу. В русской летописной терминологии сакмы – пути (маршруты) передвижения татарских войск, а также главные дороги из Орды и из степей на Русь. На этот раз поход крымского хана на Москву завершился неудачей, чему не в последнюю очередь способствовали своевременно полученные и подтвержденные разведкой сведения.

Словосочетание вѣсть взимати (взять) используется в русских летописях в значении «получать, добывать сведения». Зимой 1193 года «черные клобуки» обратились к Ростис-

славу Рюриковичу, как владельцу города Торческ, с просьбой предпринять поход на половцев. Ростислав, находившийся в это время в Чернобыле, тайно от отца отправился к дружине в Торческ, и, пригласив на помощь двоюродного брата Мстислава Мстиславича, княжившего в Триполье, выступил против половцев. Перейдя речку Ингулу, он захватил половецкие сторожевые дозоры и, узнав, что половцы находятся на Русской стороне Днепра, на расстоянии дня пути, напал на них на рассвете, взяв огромную добычу.

Ипатьевская летопись так сообщает об этих событиях: «Тою же зимы сдумавшие лѣпниши мужи в Черныхъ Клобуцехъ, и приѣхаша к Ростиславу к Рюриковичю, и почаша ему молвити: “Поеди, княже, с нами на вези половецкыя, верема ти есть”... Ростиславъ Рюриковичъ, улюбивъ рѣчь ихъ, сдумавъ с ними, ѣха с лововъ от Чернобыля... вборзѣ не повѣдася отцю... Посла же въ Треполь по... строичича своего [дядю по отцу] по Мьстиславича, зова и со собою... И тако совокупившися с Чернымъ Клобукомъ, и ѣхаша изъездомъ, и быша на Ивлѣ на рѣцѣ на половецкоу. И ту изымаша сторожа половецкыя, и вземше у нихъ вѣсть, аже [что] половци днища [расстояние, равное дневному переходу] вдалѣе лежать и стада по сеи сторонѣ Днѣпра по рускоу. И ѣхаша чересъ ноцѣ, и оудариха на росвѣтъ на нихъ, и ополонихася Ростиславъ и Чернии Клобуцѣ скотомъ, и коньми, и челядью, и колодникъ много изымаша»¹³².

Выражение вземше у нихъ вѣсть указывает на источник получения разведывательных данных. В войске Рюрика и Мстислава, соединившегося с черными клобуками против половцев, видимо, правильно была поставлена разведка. Передовой отряд захватил сторожа, т. е. тех, кто охранял половецкое войско. От них-то и стало известно, на каком расстоянии находятся основные силы противника. Именно это обусловило верный расчет в ночном передвижении объединенных войск, что позволило разгромить противника и захватить добычу.

Источниками разведывательных сведений во время военных действий являлись пленные, которых можно разделить на три категории: 1) тали – нейтральные люди, жители осаждаемых городов или проживавшие на захваченных неприятелем территориях, 2) языки – захваченные воины противника и, наконец, 3) колодники, кощеи, – лица, освобожденные из неприятельского плена (другое значение этих слов – ‘рабы; узники’)¹³³.

Существительное таль уже встречалось в цитированном эпизоде Лаврентьевской летописи под 997 годом, когда князь Владимир собирал войско против печенегов. В Ипатьевской летописи под 1170 годом повествуется об одном из эпизодов русско-половецкой войны, когда половцы получили разведывательные сведения от кощея¹³⁴.

В эпизодах, рассказывавших о русско-половецкой войне второй половины XII в., в Ипатьевской летописи помимо слова кощей ‘пленник’, как источник разведывательной информации, встречаем существительные язык и колодник, применительно к одному и тому же человеку. В 1174 г. впервые отличился молодой новгород-северский князь Игорь Святославич: «Того же лет<а>, на Петровъ д<е>нь, Игорь С<вя>тославичъ совокупивъ полкы свои, и ѣха в поле за Ворѣсколь, и стрѣте половецѣ, иже ту ловятъ языка; изыма ѣ. И повѣда ему колодникъ, оже Кобякъ и Кончакъ ишѣ къ Переяславу. Игорь же слышавъ то, поѣха противу половецмъ»¹³⁵. Используя полученные сведения от языка-колодника, князю удалось перехватить у переправы через Ворсклу возвращавшихся из набега ханов Кончака и Кобяка. Напав из засады, он разгромил их войско, отбив пленников.

В 1185 г. тот же Игорь Святославич, внук Олега, выступил против половцев из Новгорода-Северского 23-го апреля, позвав с собой брата Всеволода из Трубческа, Святослава Ольговича (своего племянника из Рыльска) и своего сына Владимира из Путивля. И у Ярослава попросил в помощь Ольстина Олексича, Прохорова внука. Шли они медленно, на кормленных конях, собираясь с силами: «Перебрѣде Донѣцѣ, и тако приида ко Осколоу, и жда два дни брата своего Всеволода, тот... шелъ инемъ поутем ис Коурьска; и отоуда поидоша к Салнице, тоу

же къ нимъ и сторожесви приѣхаша, ихже бяхоуть послатѣ языка ловить, и рекоша приѣхавшие: видихомся с ратными, ратници ваши со з доспѣхомъ ѣздятъ; да или поѣдете борзо, или воротися домовъ, яко не наше есть веремья»¹³⁶. [Переправился Игорь через Донец, пришел к Осколу и ждал там два дня брата своего Всеволода, ибо тот шел иным путем из Курска. И оттуда пошли к Сальнице. Здесь приехали к ним их разведчики, которых посылали ловить языка, и сказали: «Встретились с ратными, ратники их во всем вооружении ездят, так что либо поезжайте без промедления, либо возвращайтесь домой: не наше сейчас время»]. Однако данные разведки не были приняты во внимание. Игорь сказал: «Если мы без битвы возвратимся, то срам хуже смерти; но пусть будет, как Бог даст». И в сражении с половцами они были разбиты. Сам Игорь, его брат Всеволод, сын Владимир и племянник Святослав попали в плен. Этот сюжет нашел отражение в «Слове о полку Игореве».

Разведывательные сведения поступали не только от пленных, захваченных посылаемыми вперед отрядами – сторожесви. Источниками являлись и гости – свои купцы, торговавшие в разных городах и в чужих странах¹³⁷, а также иноземные купцы, хотя не всегда их сведения оказывались достоверными. Подобный эпизод отражен в Ипатьевской летописи под 1184 годом.

Пошел безбожнѣй Кончак с множеством половцев на Русь, желая захватить и пожечь огнем города русские, ибо был у него некий басурманин, стрелявший живым огнем, как повествует Ипатьевская летопись о русско-половецкой войне 1183–1184 гг. «Пришедъ [Кончак] бosta на Хоролѣ. Послалъ же бѣшетъ с лестью ко Ярославоу Всеволодичю, мира прося. Ярославъ же не вѣды лести ихъ, посла к нимъ моужѣ свои Ольстина Олексича. Святославъ же Всеволодичъ слашетъ къ Ярославу, река: “Брате! не ими имѣ веры, ни своего моужа шли. Я на ны поиду”». Святославъ же Всеволодичъ и Рюрикъ Ростиславичъ со всеми своими полкы не стряпя поиде противю имъ; Рюрикъ же и Святославъ отрядиста Володимѣра Глѣбовича вѣрядиши в наворотъ и Мѣстислава Романовича. А самъ Рюрикъ и Святославъ поидоста задѣ ихъ; ѣдоущим же имъ и оустрѣтоста гости идоущѣ противю себе ис Половецъ, и повѣдаша имъ, яко половци стоятъ на Хоролѣ. Святослав же и Рюрикъ то слышавша и рада быста, и поидоста к нимъ. Володимѣръ же и Мѣстиславъ слышавше придоша к мѣстоу томоу, идеже оуказаша гостѣ. Пришедши же на мѣсто то, идѣже сто[я]ли, и не видиши никого же. Шли бо бяхоуть на ино мѣсто възлѣ Хоролѣ. Наворотнищи же перешедше Хоролѣ взиидоша на шоломя, глядающе, кдѣ оузрѣтъ ѣ. Кончакъ же стоялъ оу лоузѣ. Его же ѣдоуще по шоломени оминоуша. Иныѣ же вагаты оузрѣвши оудариша на нихъ. Кончакъ же то видивъ занѣ оутече чересъ дорогу»¹³⁸.

[Кончак, придя, стал на Хороле и послал к Ярославу Всеволодовичу, коварно предлагая ему замирился. Ярослав, не подозревая обмана, направил к половцам мужа своего Ольстина Олексича. А Святослав Всеволодович послал к Ярославу, говоря: «Брат, не верь им и своего мужа не посылай, а я пойду против них». Святослав же Всеволодович и Рюрик Ростиславич со всеми своими полками без промедления выступили на половцев. Рюрик и Святослав отрядили Владимира Глебовича в передовой отряд и Мстислава Романовича с ним, а сами Рюрик и Святослав двинулись следом за ними. По пути встретились им купцы, шедшие из Половецкой земли, и сказали, что половцы стоят на Хороле. Святослав и Рюрик, услышав об этом, обрадовались и пошли туда. А Владимир и Мстислав, узнав о том, пришли на указанное купцами место. Но когда пришли туда, где прежде стояли половцы, то не увидели никого, ибо половцы перешли на другое место возле Хоролы. Воины же передового отряда, переправившись через Хорол, поднялись на холм, чтобы обнаружить врага. Кончак же стоял в долине. И ехавшие по холмам разминувшись с ним, а другие половецкие воины увидели и напали на них. Кончак же за их спиной бежал на ту сторону дороги].

Как видим, сведения, полученные от встречного гостя, идущего со стороны половцев, оказались не совсем верными, и князьям пришлось изменить первоначальное направление своего войска, поэтому и победа оказалась за ними. Наложницу Кончака взяли, захватили басурманина, у которого был живой огонь, и доставили его с его машиной к Святославу, прочих же воинов кого перебили, а кого полонили, захватив множество коней и оружия. Скорее всего, информация, полученная от гостей (купцов), к тому моменту, когда ее использовали, уже устарела – конные половецкие воины переместились на другое место. И это необходимо было учитывать, опираясь на полученные разведывательные данные.

Наворопъ, о котором упоминает Ипатьевская летопись, повествуя о событиях русско-половецкой войны 1183–1184 гг., – это ‘набег, нападение’ и в то же время ‘отряд, совершающий стремительный, внезапный набег, передовой отряд войска’¹³⁹. В ходе навороба могли выполняться различные задачи: проведение разведки, обнаружение расположения противника, поимка языка, вступление в предварительное сражение с целью выявить численность противостоящих сил, а также начало боевых действий всего войска. В задачу наворобников, воинов передового отряда, в вышеописанном эпизоде входила разведка места нахождения половцев – «взишдоша на шоломя глядающе кдѣ оузрять ъ»¹⁴⁰. В ходе навороба брались пленные и добывались разведывательные сведения. Иногда отказывались пустить воинов в навороп, исходя из полученных от языка сведений. Под 1191 годом в Ипатьевской летописи упоминается, что половецкие ханы Итогды и Акуи «хотеша поустити наворопъ по земле», но, взяв языка, узнали о сосредоточении многочисленного русского войска и обратились в бегство: «Тое же зимы Половци вѣхаша Ростиславлю дорогою, Итогды съ Акоюшемъ, и хотѣша поустити наворопъ по земли, и яша языкъ во Воротцехъ. А и слышаша, оужь Святославъ стоитъ совокупився оу Коульдерева; и тако оуверноувшася побѣгоша, пометавше стяги и копьа»¹⁴¹.

Известен случай, когда гость добыл ценную разведывательную информацию о дальних странах, которая, тем не менее, не имела практического значения. В Львовской летописи¹⁴² под 1475 годом читаем: «Того же году обретохъ написание Офонаса Тверитина купца, что былъ в Ындее 4 годы, а ходилъ, сказываетъ, с Васильемъ Папинымъ. Азъ же опытахъ, коли Василей ходилъ съ кречаты посломъ отъ великого князя [Я же расспрашивал, когда Василий Папин был с кречетами послан послом от великого князя], и сказаши ми: за годъ до казанского похода прииошъ из Орды, коли князь Юрьи подѣ Казанью былъ, тогда его подѣ Казанью застрелили. Се же написано не обретох, въ кое лето пошелъ или въ кое лето приишъ изъ Ындеа, а сказываютъ, что деи Смоленска не дошедъ, умеръ. А писание то своею рукою написалъ, иже его руки те тетради привезли гости къ Мамыреву Василью, къ диаку къ великого князя, на Москву»¹⁴³.

[В том же году получил¹⁴⁴ записи Афанасия, купца тверского, был он в Индии четыре года, а пишет, что отправился в путь с Василием Папиным. Я же расспрашивал, когда Василий Папин послан был с кречетами послом от великого князя, и сказали мне – за год до казанского похода вернулся он из Орды, а погиб под Казанью, стрелой простреленный, когда князь Юрий на Казань ходил. В записях же не нашел, в каком году Афанасий пошел или в каком году вернулся из Индии. Говорят, что умер, не дойдя до Смоленска. А записи он своей рукой писал, и те тетради с его записями привезли купцы в Москву Василию Мамыреву¹⁴⁵, дьяку великого князя]. Уже такое предисловие говорит о пристальном интересе государственного чиновника к этому документу. Речь идет о путевых записках Афанасия Никитина¹⁴⁶, которые были, в сущности, дневником, только без разбивки на даты. Никитин назвал свое произведение «Хождением за три моря»: «Се написах свое грешное хождение за три моря: 1-е море Дербеньское, дориа Хвалитьскаа [Каспийское море; дарья (перс.) – ‘море’]; 2-е море Индейское,

дорея Гундустанская [Индийский океан]; 3-е море Черное, дориа Стебольская [Стамбульское море]»¹⁴⁷.

Путешествие тверского купца Афанасия Никитина проходило в 1468–1474 гг. (датировка Л. С. Семёнова; ранее И. И. Срезневским оно датировалось 1466–1472 годами), незадолго до присоединения Твери к Московскому государству. Цель путешествия – обычная коммерческая экспедиция по Волге в составе каравана речных судов из Твери до Астрахани для налаживания экономических связей с азиатскими купцами, ведущими торговлю по Великому шелковому пути, проходившему через расположенную на западном побережье Каспийского моря страну Ширван (ныне северо-восток современного Азербайджана; основные города – Шемаха, Баку, Дербент).

Изначально Афанасий Никитин не планировал посещения Персии и Индии. Его «хождение» можно условно разделить на четыре этапа: движение от Нижнего Новгорода до южных берегов Каспийского моря; путешествие по Персии; посещение Индии и возвращение через Персию на родину.

Афанасий Никитин заручился проезжими грамотами от великого князя Михаила Борисовича и великого князя Ивана III для перемещения по территории Тверского и Московского княжеств, «и поидохъ внизъ Волгою»¹⁴⁸. В Нижнем Новгороде, где Никитин намеревался присоединиться к посольству Василия Папина, следовавшему в Ширван, он узнал, что последний уже проследовал мимо города к низовьям Волги: «А Василей Папинъ проехалъ мимо городъ две недели, и язъ ждалъ въ Новегороде въ Нижнемъ две недели посла татарскаго Ширванина [ширваниах Фаррух Ясар правил в 1462–1500 гг.] Асанбега, а ехалъ съ кречаты отъ великого князя Ивана, а кречатовъ у него девяносто»¹⁴⁹. Золотая Орда, контролировавшая Волгу, в 1468 г. была достаточно сильна, русские княжества все еще находились в вассальной зависимости. И если исправно платили дань, то им позволялись некоторые вольности, в их числе – ведение торговли. Считается, что только в 1480 году Русь окончательно сбросила с себя ордынское иго после знаменитого «стояния на Угре». Но опасность разбойного нападения существовала всегда, поэтому купцы собирались в караваны и предпочитали, если существовала такая возможность, присоединяться к официальным посольствам и следовать с ними.

Караван формировался, судя по всему, в Нижнем Новгороде. Товары свои и вещи («рухлядь») Афанасий разместил на малом судне, а сам устроился на большом корабле с ширванским послом. Вместе со свитой Хасан-бека, кречетниками и Афанасием Никитиным в Ширванское государство плыли более 20 русских – москвичей и тверичей. Плавание шло благополучно, вплоть до Астрахани, где на караван ширванского посла напали «лихие люди» астраханского хана Касима. Они ограбили путников, убили одного из русских и отняли у них малый корабль, на котором были все товары и имущество Никитина, включая книги, вероятнее всего, церковные: «а книги есмя взяли с собою с Руси, ино коли мя пограбили, инии ихъ взяли». В устье Волги было захвачено и ограблено ещё одно судно. К пункту назначения прибыл лишь один корабль, на борту которого был ширванский посол со свитой и выжившие после нападений и кораблекрушения в Каспийском море русские люди, в том числе и Афанасий Никитин.

Русские просили шаха Ширвана о том, чтобы он их «пожаловал, чем дойти до Руси». В этой просьбе купцам было отказано. Пришлось участникам торговой экспедиции самим позаботиться о своей судьбе: те, у кого что-то оставалось на родине, отправились домой, должники же (большинство, очевидно, закупили товары в кредит) были вынуждены пойти куда глаза глядят: одни остались в Шемахе, другие направились в Баку. Среди последних был и Афанасий Никитин: «И мы, заплакавъ, да розоилися кои куды: у кого что есть на Руси, и тот пошелъ на Русь; а кой должен, а тот пошел куды его очи понесли. А иные остались в Шамахее, а иные пошли работать к Баке»¹⁵⁰.

Афанасий Никитин стал путешественником и разведчиком поневоле. Путь домой заказан. Торговать нечем. Осталось одно – пойти в чужие страны, уповая на судьбу и собственную предприимчивость. Из Баку Никитин пошел в Чапакур – персидский город на южном берегу Каспийского моря. Он попал в земли, населенные мусульманами и индуистами. Для русского путешественника, оказавшегося в одиночестве в иной конфессиональной среде, это обстоятельство стало серьезным испытанием. Ограниченность географических познаний, разнообразие опасностей, подстерегавших в пути, отсутствие развитых путей сообщения, слабая информированность о событиях, происходящих даже в не очень отдаленных землях, превращали средневековые странствия в своего рода подвиг.

Путешествие Афанасия Никитина через персидские земли, от южных берегов Каспийского моря (от Чебукара) до берегов Персидского залива (до Ормуза) продолжалось более года. Впечатлений от Персии у тверского купца совсем немного¹⁵¹.

Афанасий описывает свой маршрут, перечисляя древние города, в которых он делал остановки, удивляется тому, что домашний скот здесь кормят финиками. Наконец, он достиг города Ормуза, расположенного на выходе из Персидского залива в Индийский океан («второе море»). Наслышанный о сказочных богатствах Индии, он направляется именно туда.

Чем конкретно занимался Афанасий Никитин, чем питался, каким образом добывал средства к существованию – сам автор нигде этого не уточняет. Можно предположить, что коммерческая жилка в нем сказывалась, и он вел какую-то мелкую торговлю, либо нанимался служить к местным купцам. Кто-то сказал Афанасию Никитину, что в Индии в большой цене породистые жеребцы. В Ормузе ограбленный купец оказывается владельцем породистого жеребца, которого надеялся выгодно продать в Индии. А обошелся жеребец ему в сто рублей. Вскоре Никитин вместе со своим конем был уже на парусном корабле без верхней палубы, перевозившем через море живой груз¹⁵². Через шесть недель судно бросило якорь в гавани Чаул на Малабарском берегу, на западе Индии.

Прикинувшись странствующим дервишем, Никитин подолгу останавливается в каждом городе. Своими впечатлениями и наблюдениями он делится в дневнике, описывая быт и нравы населения и правителей тех мест, в которые заносила его судьба. Индия занимает в дневниках Афанасия значительное место. Обычаи и уклад жизни индусов переданы в «Хождении за три моря» детально, с многочисленными подробностями и нюансами. Многому из увиденного А. Никитин давал свою оценку, достаточно объективную и непредвзятую. Как купец Афанасий Никитин, конечно, интересуется, что продают, что покупают. В Индии он не нашел ничего интересного и выгодного для русского купечества¹⁵³. Но Никитин не оставляет без внимания политическую ситуацию, описывает укрепления городов, количество войск, их состав, вооружение¹⁵⁴.

В конце 1471 – начале 1472 года Афанасий Никитин принимает решение покинуть Индию и возвратиться домой на Русь. Город Дабул стал последней точкой его индийского путешествия. В январе 1473 года он сел на судно, которое после почти трехмесячного плаванья с заходом на Сомалийский и Аравийский полуострова доставило его в Ормуз. Никитин прошел через Иранское нагорье к Тебризу, пересек Армянское нагорье и осенью 1474 года достиг турецкого Трапезунда. Местный паши задержал путешественника, подверг его обыску и дознанию. Афанасий шел со стороны владений Узун Хасан-бека, противника трабзонского паши, и был принят за шпиона¹⁵⁵. У путешественника отняли все, оставив его ни с чем. Дневника при этом не тронули. Или не нашли.

Далее по Черному морю А. Никитин добирается до Кафы (Феодосии). Потом через Крым и литовские земли – на Русь. В Кафе он, по-видимому, познакомился и близко сошелся с московскими «гостями», к которым и присоединился для возвращения домой (скорее всего, в марте

1475 года). В дороге, простудившись, или по другой причине, Афанасий Никитин скончался в районе Смоленска, который считается местом его последнего упокоения.

Не планировав заранее путешествия за три моря, Афанасий Никитин оказался первым европейцем, который дал описание средневековой Индии, обрисовав ее просто и правдиво. Его записи лишены расового подхода и отличаются редкой для того времени веротерпимостью. Морской путь в Индию был открыт португальцем Васко да Гама в 1498 году, т. е. на два десятилетия позже, чем достиг индийских берегов русский гость.

Конечно, русский купец не выполнял никакой разведывательной миссии в Персии и Индии. В то же время его записи содержат в себе богатый материал военно-статистического характера. Для султанов и ханов Причерноморья, как и для русских князей, подобная информация о численности войск и характере вооружения армий индийских владетелей не имела практического значения. Слишком уж далекими были территории, где сделал свои наблюдения тверской купец. И все же сведения, собранные Афанасием Никитиным, позволяли, да и сейчас позволяют судить о военной мощи отдельных султанатов, геополитических устремлениях индийских князей, об их военных успехах и неудачах в 70-е годы XV века.

Остается только гадать, как удалось купцу собрать столь детальные сведения, пересчитать слонов, лошадей, верблюдов, пеших воинов и музыкантов. Торговое ремесло требовало хороших навыков счета, но житель Твери демонстрировал еще и прекрасную память, а также завидное терпение. Какие-то сведения явно почерпнуты из разговоров: «А у бинедарьскаго князя 300 слонов да сто тысяч рати своей, а коней 50 тысяч у него». Но есть и суждения военного порядка, основанные на личных впечатлениях. Для этого Афанасий использует формулу «а вышло двора». Вот некоторые примеры: «А вышло рати своей 40 тысяч конных людей, а пеших людей 100 тысяч»; «а с султаном вышло возырев [визирей] 26»; «вышло двора его...»; «а с султаном двора его выехало... 100 тысяч рати». В отдельных случаях, кажется, что Афанасий дает завышенные цифры. Сегодня уже трудно судить, насколько гиперболизировал военную мощь местных правителей русский купец.

Возможно, что московские власти, давая ему охранную грамоту для проезда по землям своего княжества с посольством, делали это потому, что Афанасий Никитин был небезызвестным для них человеком. Только наличием предварительной договорённости между Афанасием Никитиным и дьяками московского великого князя можно объяснить, на первый взгляд, загадочный факт внесения «Хождения» Афанасия Никитина в русскую летопись, которая с XV века всё более получала значение официального документа в Московском государстве. Показателен тот факт, что записки Никитина, видимо, по его просьбе, были переданы московскому дьяку.

Вероятнее всего, Афанасию Никитину была поставлена московскими дьяками задача сбора разведывательной информации при следовании от Нижнего Новгорода до Ширванского государства. А далее он стал разведчиком поневоле. Выбор пал на Никитина еще и потому, что он владел татарским и персидским языками, а в последующем в Индии овладел некоторыми из местных диалектов.

Эти сведения на момент их получения не могли быть использованы на Руси ни в политических, ни военных целях, хотя и были весьма ценны.

В качестве источников разведывательной информации, в том числе и документальной, выступали перебежчики – те, кто перешел на службу к противнику, сменил подданство, тайно покинул свою страну¹⁵⁶.

О масштабах привлечения московскими правителями перебежчиков для сбора информации о Литве и других западноевропейских государствах можно судить по некоторым высказываниям современников. В 1550 г. великому князю литовскому и королю польскому Сигизмунду II Августу был подан трактат «О нравах татар, литовцев и москвитян» (лат. «De moribus tartarorum, lituanorum et moscorum»). Автор трактата, скрывшийся под псевдонимом

Михалон Литвин (*Michalon Lituanus*), посол Великого княжества Литовского в Крымском ханстве, писал: «Имеется уже великое множество московских (*Moscorum*) перебежчиков, нередко появляющихся среди нас, которые, разведав дела и разузнав о деньгах, состояниях и обычаях наших, беспрепятственно возвращаются восвояси; пребывая у нас, они тайно передают своим наши планы. А у татар они ходят в невольниках, у ливонцев (*Livoniensibus*) же таких убивают, хотя москвитяне (*Mosci*) не занимали никаких их земель, но всегда связаны с ними вечным миром и договором о <добро>соседстве. Более того, убивший получает кроме имущества убитого определенную сумму денег от правительства. Ибо, как открылось молящемуся Иисусу, сыну Сирахову: “Не верь врагу твоему вовек”, “не ставь его подле себя, чтоб он, низринув тебя, не стал на твое место”; если бы и мы руководствовались этими советами, то не потеряли бы ни крепостей, ни земель Северских (*provincias Severenses*). С ними отпали от нас Можайск (*Mozaiski*) и Ошомачиц (*Ossomacitz*). Города эти были бедны, когда перешли к нам, а от нас отошли богатые и усиленные целыми землями, которые были вверены их управлению (*administrationi*). Ведь это род людей коварных и вероломных, всегда неискренних и ненадежных. Вернувшись на родину и став полководцами (*duces*), они дерзко опустошали наши земли (*regiones*). Среди перебежчиков москвитян (*Moscus*), которые глубокими ночами убивали жителей Вильны и освобождали из тюрьмы пленников своего рода, был один священник (*presbyter*), который, тайно проникнув в королевскую канцелярию (*cancellariae regiae*), доставлял своему князю (*ducem*) копии договоров (*foederum*), постановлений (*decretorum*), указов (*consiliorum*)... Ведь этим хитрым человеком [князем Иваном III] перебежчику, возвратившемуся даже ни с чем, установлено вознаграждение: рабу – свобода, плебею – знатность, должнику, опутанному долгами, – свободу от долгов, преступнику – прощение»¹⁵⁷.

Разведку вели и направляемые за рубеж Московского государства дипломатические представители. По-прежнему, господствовала «оказиональная» дипломатия – посольства отправлялись «по случаю», так английский историк Ч. Картер назвал средневековую дипломатию¹⁵⁸.

Филипп де Коммин, советник Людовика XI (король Франции в 1461–1483 гг.), справедливо считал, что нет лучшего соглядатая и собирателя слухов, нежели посол. В XVI в. гражданин Венецианской республики, осмелившийся говорить с иностранным послом о государственных делах, приговаривался к штрафу в 2000 дукатов или изгнанию, а в Англии и столетием позже даже простой разговор с дипломатом другой страны грозил члену парламента потерей места, хотя в силу ряда причин иностранные послы в Западной Европе пользовались большей свободой, чем в России XVI в.¹⁵⁹ К этому времени существовала их четкая градация, включавшая три основных ранга: послы («великие послы»), посланники («легкие послы») и гонцы. Первые и вторые были полномочными представителями государя. За рубежом они вели переговоры и заключали дипломатические соглашения (в отношениях с Польско-Литовским государством право на заключение договоров имели исключительно послы, посланники такими полномочиями не обладали). Третьи просто перевозили письменные сообщения («посыльные грамоты»), причем часто даже не зная их содержания. Устные поручения с гонцами в большинстве случаев не передавались: дипломатические представители низшего ранга были лишь исполнителями воли государя.

Уже при Иване III утвердился порядок, согласно которому главой посольства назначался обычно князь или боярин, главой посланнической миссии – окольничий или думный дворянин; гонцами в середине XVI в. чаще всего бывали дворяне и дети боярские, позднее посылались подьячие и низшие придворные чины. Дипломатия и разведка обычно шли рука об руку, составляя единое целое. И посол, и посланник, и гонец выступали в качестве главных фигур в сборе разведывательной информации. Привлекались и люди, сопровождавшие дипломатов¹⁶⁰.

Сношениями с иностранными державами заведовали назначаемые для этого ближние бояре и государевы дьяки, они же вели переговоры с прибывающими послами. Дипломатической перепиской ведал печатник – хранитель государственной печати, а техническая сторона дела – устройство аудиенций, отправление русских миссий, прием иностранных послов и снабжение их всем необходимым – возлагалась на отдельных дьяков и подьячих, на доверенных лиц, выполнявших разовые поручения. В связях с Востоком главной фигурой обычно был великокняжеский казначей. Все распоряжения по посольским делам производились «у Государя вверху», т. е. во Дворце.

Иван IV (род. 25 августа 1530 г. в селе Коломенском под Москвой, – ум. 18 (28) марта 1584 г. в Москве) с 1533 года был государем, великим князем московским и всея Руси, с 1547 года – первым царем всея Руси, кроме 1575–1576 годов, когда «великим князем всея Руси» номинально был Симеон Бекбулатович. Для приема послов Иван IV ввел особую палату, именуемую посольской. В это время идет специализация государственного аппарата. Если раньше дьяки, ведавшие приемом и отправлением посольств, занимались одновременно и другими делами, порой с внешней политикой не связанными, то со второй четверти XVI в. они все чаще сосредоточивались на исполнении дипломатических обязанностей. Им в помощь назначались подьячие, опытные приставы – дворяне, которые сопровождали прибывавшие иностранные миссии, а также толмачи, переводчики, которые умели переводить не только устную речь, но и письменные тексты.

Искусственно оторванное от Европы в годы татаро-монгольского ига Русское государство после освобождения в XV веке должно было взять на себя решение сложных дипломатических задач. Но для их выполнения не было нужных кадров: русские люди того времени не владели западными языками и плохо представляли себе обстановку на Западе. Иноземцы же, жившие при дворе Ивана III Васильевича, правившего в 1462–1505 гг., не всегда заслуживали доверия. Установление отношений с восточными государствами, возникшими на развалинах Золотой Орды, опередило установление дипломатических отношений Москвы с Западом. Найти людей, знающих язык ногаев, турок, крымчаков, персов, черкесов, аварцев и бухарцев, в средневековой Москве оказалось легче, в частности, из числа выкупленных на Востоке русских полоняников, чем обучить кого-либо в царском окружении латинскому, немецкому или итальянскому языкам.

Иван III, «государь великий царь всея Руси, Володимерский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тферский, Югорский, и Вятский, и Пермский и иных земель»¹⁶¹, вынужден был прибегать к услугам заезжих греков – слуг своей жены, Софьи Палеолог. Преемники его обычно посылали русских послов с иностранными переводчиками¹⁶². В любом случае осуществлялся жесткий контроль из Москвы. Отсюда – ряд специфических черт московской дипломатии: точные рамки, ставившиеся перед послом, стремление заранее предусмотреть темы и аспекты всех возможных дипломатических речей и разговоров, которые он будет вести в другом государстве. Руководством для дипломатов во время посольской миссии были наказы («наказные памяти»), в которых подробно перечислялись цели и задачи посольства, возлагаемые на посла поручения, его обязанности и нормы поведения, а также излагались его речи и ответы на возможные вопросы принимающей стороны. Кроме того, в наказы входили предписания о сборе сведений о положении дел в государствах, куда направлялись послы, а также в соседних странах.

В 1515 г. Коробов Василий Андреевич¹⁶³, был послан в Константинополь с письмом великого князя, в котором Василий III Иванович просил султана Селима удержаться от союза с Литвой, направленного против московского государства, находившегося (с 1478 г.) в вассальной зависимости от Османской империи крымского хана Менгли Гирея (правил с 1445 г. по 17 апреля 1515 г.). Коробову была поставлена задача собирать информацию по всему маршруту

движения и направлять ее великому князю. Одним из пунктов была турецкая крепость Азов, занимавшая важное стратегическое положение и являвшаяся форпостом турок в Причерноморье: «А се такова память дана Василью Коробову [в марте 1515 г.]... Какъ онъ, дастъ Богъ, придетъ въ Азовъ... пытати Василью въ Азове, кого будетъ пригожъ, про турецкого салтана, где ныне, и что его дело съ Кизылбаишемъ [кызылбаши, кизильбаши (тюрк. «красноголовые») в 1502 г. кызылбаши возвели на иранский престол своего шейха Исмаила Сефевид; термин употребляется в отношении персов], и досугъ ли ему ныне въ своей земле или недосугъ, и въ которомъ ныне въ своемъ городе. Да и про крымского и про его дети... И про посла великого князя про Михайла, и про литовского – какъ ныне литовской съ Менли-Гиреемъ и какъ Менли-Гирей съ литовскимъ, и где ныне Менли-Гирей и его дети... Да и о Нагаехъ ему пытати, на сей ли стороне Волги; и будутъ на сей стороне, и они въ которомъ месте, и что ихъ ныне дело, и бережетъ ли ся ихъ Менли-Гирей или не бережетъ. Да каковы вести въ Азове будутъ, и Василью о томъ о всемъ написати грамота къ великому князю да съ тою грамотою послати ему изъ Азова казака резанского, кого будетъ пригожъ»¹⁶⁴.

Пригожий – ‘такой, какой следует, подобающий, должный’¹⁶⁵. Из грамоты следовало, что Василий Коробов (равно как и авторы грамоты, адресованной ему) представлял, какие требования должны быть предъявлены к человеку, который был бы пригож, т. е. обладал интересовавшими Москву сведениями. Это термин применялся также и к тем лицам, которым следовало поручать собирать разведывательную информацию.

«Лета 7023 [1515] г., июня 19, – сообщается в «Памятниках дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Ногаями и Турцией», – приехалъ изъ Азова отъ Василья от Коробова казакъ резанской Назаръ Кривой, а был в Крыму на вестехъ. И отпустилъ его изъ Крыма Михайло Тучковъ¹⁶⁶ въ четвергъ на Страстной неделе. И какъ онъ пошелъ из Кафы, ино его на море ветръ носилъ, да прикинуло его къ Керчи, и въ Керчь пришла вестъ въ понедельник на Святой недели, что Менли-Гирей царя въ животе не стало [в живых]; а тутъ въ Керчь прибегли многие черкасцы изъ Крыма, ино деи къ нимъ прислалъ въ вторникъ на Святой недели болей сынъ Менли-Гиреевъ, Магмедъ-Гирей съ грамотою, чтобъ они жили по своимъ местомъ по тому же, какъ жили при отце его. Ино деи допозна [подлинно, точно¹⁶⁷] царя не стало»¹⁶⁸.

Существительное вестъ употребляется в цитируемом выше тексте в сочетании быти на вестяхъ, т. е. ‘нести службу по сбору сведений’. Совпадение информации, полученной рязанским казаком Назаром Кривым из двух разных источников, позволило Василию Коробову считать ее достоверной и сделать вывод, что крымского хана допозна ‘подлинно’ не стало.

В XV в. появляется термин доброхот в значении ‘доброжелатель, сторонник’, относящийся к человеку, доставлявшему разведывательные сведения о той стране, в которой он долгое время проживал, а потом вернулся к своему государю.

В Псковской второй летописи¹⁶⁹ сообщается о военных действиях на южном побережье Чудского озера в 1458–1463 гг. Вооруженные столкновения начались из-за споров между немецкими подданными дерптского епископа и псковичами за сенокосы и рыболовные места. В 1462 г. псковичи основали на восточном берегу Чудского озера крепость Новый городок, или Кобылье, к югу от устья реки Желча. 21 марта 1463 г. немцы с пушками пересекли Чудское озеро по льду и осадили крепость. Поспешно набранный отряд псковичей, возглавляемый двумя посадниками, двинулся на помощь осажденным. Немцы ушли при его приближении, но 27 марта снова появились на восточном берегу озера, сожгли к северу от Нового городка пристани, места высадки, села Островцы и Подолешье и ушли по льду в свою землю. Псковичи решили идти к Вороньему Камню, расположенному на Чудском озере недалеко от устья Желчи. Когда весь псковский отряд выехал на озеро, ему встретился чудин [чудь – древнерусское название эстов и некоторых других западнофинских племен], пришедший из зарубезья,

и сообщил, что немцы хотят напасть на остров Колпино на северо-западе Псковского озера. Псковичи вернулись назад и в ту же ночь двинулись к Колпину. Прибыв на место, они атаковали и обратили в бегство немцев, уже грабивших остров. В летописи сообщается: «И прииде из-за зарубежиа доброхотъ чюдин и поведи псковичамъ, что сила немецкая готова и хотят оударитися на сию ноць на Колпиное. И псковичи в тья часы поидоша тамо, и приидоша в Колпиное порану, и оузреша, что немецкая сила жгут исады и церковь колпиньскую зажгли. И тако, помолвишися Богу, оудариишися на них; а немци оубоявишися и побегоша, а псковичи биша их в погоню на 15 верстъ до Кохове реке»¹⁷⁰.

Мотив действий чюдина, предупредившего псковичей, был скорее всего материальный. Вместе с тем, не следует исключать, что он хотел отомстить немцам за обиду, нанесенную ему лично или его семье. Однако за переданную информацию он получил вознаграждение, на которое рассчитывал.

Среди тех, кто был пригож для Москвы, как источник разведывательных сведений, оказался и турецкий правитель Азова – диздерь Бурган. Во время пребывания русского посла Василия Коробова в Азове турецкий правитель, судя по всему, сам предложил свои услуги Москве. В 1515 г. он направил великому князю с рязанским казаком Воробьем первую грамоту с вестями. Летом следующего 1516 г. диздерь Бурган писал из Азова о своей готовности преданно служить великому князю: «А се грамота. государю великому князю Василью Ивановичю всеа Руси отъ аздара Бургана челобитье... а радъ есми тебе своему государю служити, а лиха тебе от меня нетъ и твоимъ людямъ. А слово бы отъ насъ чисто, какъ золото, да и правда бъ промежъ насъ была. А язъ тебе, своему государю, низко челомя бую»¹⁷¹. В другом послании он писал: «Дай Боже такъ, кто будетъ отъ насъ къ тебе ездокъ, и мы к тебе съ нимъ грамоту пошлемъ. Убогий холопъ Бурган азовский диздерь»¹⁷². В Москве к желанию Бургана служить государю отнеслись благосклонно. В ответной грамоте от имени Василия III диздерю Бургану писали в 1516 г.: «Ино то делаеши гораздо, что намъ служиши, да и впередъ намъ хочеши служити, и ты бы намъ ныне да и впередъ служи, а мы тебя ныне жалюемъ, да и впередъ къ тебе жалованье свое хотимъ держати»¹⁷³. Таким образом, отношения с турецким правителем Азова были поставлены на твердую материальную основу.

В значении 'доброжелатель', 'тот, кто благосклонен, милосерден к кому-либо' в Книгах Ветхого и Нового Завета, собранных в 1499 г. в Новгороде при дворе архиепископа Геннадия, находим слово приятель¹⁷⁴.

«Памяти» из Москвы давались не только послам, но и непосредственным организаторам разведки на местах, в числе которых были как лица, посланные с этой целью и являвшиеся подданными Московского государства, так и иностранцы, привлеченные к сбору разведывательной информации: «Лѣта 7029 (1521) фѣвралѣ 21 послалъ князь великий въ Азовъ и въ Кафу своихъ казаковъ Ивашика Лазарева съ товарищи, а писалъ с ними въ Азовъ свои грамоты. А се грамоты съ Ивашикомъ и съ его товарищи да и къ Василью къ Наумову съ ними грамота послана... Брата и друга нашего Селимъ-шагъ салтанову служъ диздерь-Бургану Азовскому. Послалъ есмя въ Азовъ своихъ казаковъ Ивашика Лазарева, да Мишу Иванова... да татарина своего Четая, да... инымъ казакомъ велѣли итти въ Кафу... и ты бѣ тѣхъ нашихъ казаковъ въ Кафу отпустилъ, не мотчаа, да и поберегъ бы еси ихъ, чтобы имъ какъ поздорову дойти до Кафы. А какъ тѣ казаки придутъ изъ Кафы въ Азовъ, и ты бѣ ихъ къ намъ отпустилъ, не мотчая... да и проводити ихъ велѣлъ, чтобы имъ какъ до насъ здорово дотъхати. А каковы будутъ тамъ у тебя вѣсти, и ты бѣ съ ними къ намъ отписалъ, а то бы еси учинилъ насъ дѣля, тѣмъ бы еси намъ послужилъ, а мы тебя впередъ своимъ жалованьемъ свѣише хотимъ жаловати»¹⁷⁵.

В данном документе содержится указание азовскому доброхоту «салтанову служе диздерь Бургану Азовскому» препроводить посланных казаков в Кафу (Феодосию), в резиденцию

турецкого наместника – санджака. Эта должность имела одноименное название с административной единицей Османской империи, которая управляла Кафой и всеми генуэзскими владениями, захваченными в 1475 году. Турецкому правителю Азова предписывалось не только отправить казаков в Кафу, но и позаботиться об их безопасности. Собранную же информацию следовало не мотчая [не мешкая, без промедления] отправлять в Москву¹⁷⁶.

Одновременно из Москвы давались указания казаку Ивашке Лазареву ехать тайно, прочитать вести, выучить наизусть, а грамоту уничтожить: «А се такова память дана Ивашку Лазареву... съ товарищи: какъ оже дастъ Богъ приедутъ въ Азовъ, и имъ отпустить изъ Азова въ Кафу своихъ четырехъ товарищевъ, которыхъ пригоже, а дати имъ грамота въ Крымъ къ Василью къ Наумову¹⁷⁷, а наказати имъ, будетъ которому пригоже самому идти въ Крымъ къ Василью съ грамотою, ино бы изъ нихъ одинъ ехалъ в Крымъ к Василью къ Наумову [послу в Крыму¹⁷⁸ с 1521 г.] з грамотою тайно, котораго бы не знали въ Крыму; а нелзе будетъ которому самому ехати въ Крымъ, и имъ добыти казака в Кафе, русина же, да послати имъ въ Крымъ къ Василью з грамотою тайно, кто бы ту грамоту до Василья донесъ, да что къ нимъ Василий накажетъ или грамоту пошлетъ, и имъ дождався от Василья вести из Крыма, да какъ къ нимъ придет от Василья вестъ, а они бѣ пошли въ Азов... а учнутъ ждати изъ Кафы казаковъ, и нечто въ те пор<ы> придетъ къ нимъ вестъ рано до осени, что царь хочетъ идти на великого князя украину, или людей своихъ хочетъ послати, и имъ тогда, и не дожидаясь техъ казаковъ изъ Кафы, послати вестъ къ великому князю часа того. А нынеча имъ приехавъ въ Азовъ доведыватися про царя вести, не мотчая часа того, что будетъ тамо про него вести. Да съ темъ бы имъ къ великому князю послати ранее, чтобъ однолично у великого князя отъ нихъ про царя рано вестъ была, да сю имъ запись чести [читать и запомнить], едуци до украины [«вообще у Окраины Московского государства в степи»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.